

The background of the poster is a composite image. The top half shows a hazy, orange-tinted city skyline with a prominent tower. The bottom half shows a dark, moody scene of a fountain with a statue of a winged figure. Bare tree branches are visible on the left side.

КАТРИНЕ ЭНГБЕРГ

СТЕКЛЯННЫЕ КРЫЛЬЯ

«Настоящий дерзкий триллер
с блестящим расследованием».

The Toronto Star

18+

Катрине Энгберг
Стеклянные крылья
Серия «Кернер и Вернер», книга 3
Серия «Триллер по-скандинавски»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69415441

К. Энгберг. Стеклянные крылья: ООО «Издательство АСТ»; Москва;

2023

ISBN 978-5-17-146834-7

Аннотация

В отделении коронарной терапии одного из ведущих медицинских центров Дании медсестра наполняет шприц и входит в палату пожилого пациента...

Шестью днями ранее разносчик газет в самом центре Копенгагена натывается на жуткую находку: обнаженное тело мертвой женщины, лежащее в фонтане. Руки и бедра жертвы в причудливых симметричных порезах. Причиной смерти, по-видимому, стало обескровливание.

Пока следователь Йеппе Кернер безрезультативно прочесывает улицы Копенгагена в поисках убийцы, его напарница Анетта Вернер, находящаяся в декретном отпуске, решает заняться своим независимым расследованием. Но она еще

не представляет, каким чудовищным опасностям ей придется подвергнуть свою жизнь, чтобы найти преступника.

Следствие приведет полицейских в самое сердце системы здравоохранения, шокирующая тайна которой заставит их кровь застыть в жилах. Тем временем включается обратный отсчет до следующего убийства. Кто станет новой жертвой?..

Содержание

Суббота, 14 октября	6
Пролог	6
Понедельник, 9 октября. За пять дней	10
Глава 1	10
Глава 2	32
Глава 3	50
Глава 4	74
Глава 5	88
Вторник, 10 октября	98
Глава 6	98
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Катрине Энгберг Стеклянные крылья

Katrine Engberg
Glasvinge

© Katrine Engberg 2018

© Гоголева Д., перевод, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Сюссе Энгберг, героине и матери.

Суббота, 14 октября

Пролог

В запирающемся шкафу лежат стеклянные ампулы – бок о бок с одноразовыми шприцами и контейнерами для игл. Обезболивающие, антиаритмические, кроверазжижающие средства аккуратно упакованы в картонные коробочки и прозрачный полиэтилен. Обычные препараты кардиологической клиники Королевской больницы – путь к облегчению, улучшению качества жизни, а порой и исцелению.

Медсестра бросила беглый взгляд на лекарства и стала подсчитывать в уме. Сколько он может весить? Вес пациента указан у изголовья кровати, но у нее не было сил идти выяснять.

Ночь длилась целую вечность. Вчера ее рабочий день почти закончился, когда выяснилось, что одна из медсестер ушла на больничный, и ей пришлось остаться еще на одну смену. Вместо того чтобы провести вечер с семьей, она работала уже почти шестнадцать часов. В голове гудело от писка оборудования, требований и вопросов от волнующихся пациентов. Ноги, обутые в ботинки с эргономичной подошвой, болели, а затылок одеревенел.

Она зевнула, потерла глаза и поймала свое отражение в

блестящей металлической дверце. У тридцатидвухлетних не должно быть мешков под глазами, работа ее выматывала. Всего час, и смена закончится, она сможет поехать домой поспать, а все члены семьи встанут и будут есть перед телевизором шоколадные шарики.

Она выбрала три ампулы, сунула их в карман халата и заперла шкафчик. Трех десяти миллилитровых ампул должно хватить. Вряд ли пациент весит больше семидесяти килограмм, значит, тридцать миллилитров препарата, применяемого при нарушении ритма сердца, в два раза превысят максимально допустимую дозу. Достаточно, чтобы вызвать внезапную остановку сердца и избавить его от страданий. «А заодно и всех нас», – подумала она и двинулась по коридору, пустующему по утрам, в сторону восьмой палаты.

Старик был требовательным, грубил и жаловался буквально на все – от скверного больничного кофе до высокомерия врачей. От его ворчания устало все отделение.

Она всегда была из тех, кто высказывает мнение и пытается изменить положение вещей. Популярности так не приобретешь, но что ей остается делать? Безучастно наблюдать и жаловаться на непомерную нагрузку и нехватку коек, как ее коллеги? И речи быть не может! Она стала медсестрой не для того, чтобы приносить кофе и заклеивать царапины. Ей хотелось что-то изменить.

По коридору, не поднимая глаз от линолеума, толкала тележку с ведрами и тряпками уборщица в платке. Медсестра

прошагала мимо нее, сжимая в руке ампулы. Сердце заколотилось быстрее. Скоро она выполнит долг, реализует весь свой потенциал и попытается спасти жизнь. Внутри все трепетало в предвкушении – словно пульс забился, – что никак не вязалось с ощущением пустоты, обычно переполнявшим ее. В это мгновение она незаменима. Столько всего поставлено на карту, столько всего лежит на плечах. В это мгновение она была Богом.

Она заперла дверь туалета для персонала, быстро продезинфицировала руки и раковину и осторожно выложила в ряд ампулы аймалина. Опытные пальцы вынули из упаковки одноразовый шприц, набрали препарат и щелкнули по цилиндру – она по привычке проверила, не осталось ли внутри воздуха. Упаковку смяла в маленький шарик, который запихнула на дно мусорного ведра, после чего открыла дверь; шприц лежал в кармане халата.

Перед палатой номер восемь она бросила взгляд на коридор. Ни коллег, ни пациентов, которым приспичило бы в туалет. Распахнув дверь, она шагнула в темноту. Тихое похрапывание, доносившееся с кровати, сообщило ей, что пациент спит.

Можно спокойно работать.

Она подошла и стала разглядывать старика – тот лежал на спине, рот слегка приоткрыт. Седой, костлявый, высохший. В уголке рта пузырилась слюна, тихонько подрагивали веки. Есть ли в этом мире хоть что-то более бесполезное, чем

вредный старик?

Она сняла крышку с катетера, висевшего на тыльной стороне его ладони, покрытой тонкой кожей, и вынула из кармана шприц. Доступ к крови, которая течет к сердцу, – открытые ворота для продолжения кончиков пальцев Бога.

Плюс антиаритмического препарата в том, что он быстродействующий – остановка сердца случится почти мгновенно. Она вставила иглу в катетер, прекрасно зная, что успеет убрать все до того, как сработает сигнал тревоги.

Пациент слегка заворочался во сне. Она нежно погладила его по руке. Затем нажала на поршень шприца.

Понедельник, 9 октября. За пять дней

Глава 1

– Ну как всегда!

Фредерик вытер со лба воду и снова надел кепку. Накинул капюшон плаща, проверил, закрыта ли седельная сумка велосипеда, и поехал. Всегда тяжело вылезать из постели, когда будильник звонит в 5:15, но утро на утро не приходится. Сегодня из-за ливня было трудно вспомнить, почему он вообще согласился развозить газеты. Шесть дней в неделю, пятнадцать семей Центрального Копенгагена, 620 ступенек – подняться и спуститься. К сожалению, это единственный шанс заработать денег на учебу в гимназии, и он не хотел его упускать.

Он покатил по брусчатке, в темноте за спиной растворился распределительный пункт, из телефона в кармане куртки в уши лилась музыка, придавая сил. *I got my black shirt on, I got my black gloves on*¹. И все же как-то непривычно, ведь перед ним самая шумная торговая улица города. Он встал на

---

¹ Я надел черную рубашку, я надел черные перчатки (англ.). Слова из песни «Cop Killer» американской группы Body Count.

педали и давил на них, пока не миновал Стрёгет, пока впереди не открылись Гаммельторв и Нюторв. Аккуратно отремонтированные многоэтажные дома со створчатыми окнами и медными водосточными желобами, которые сейчас заливал осенний дождь, тощие деревья и скамейки – в щелях между их темно-зелеными досками оставляли всякий мусор. В утренней полутьме над древними пивными, разместившимися в подвалах, сияли, словно вершина морали, песочные колонны Копенгагенского верховного суда. Днем площадь – важнейшая точка для курьеров, перемещающихся на велосипедах, туристов и продавцов украшений, содержащих никель. А сейчас на ней ни души.

Фредерик спрыгнул с велосипеда и прислонил его к фонтану в середине площади. Снял наушники и убедился, что в кармане куртки хватит монет на теплую булочку с корицей. Бросил взгляд на водную гладь фонтана, подрагивающую в темноте от капель.

В воде что-то было.

В воде вечно что-то валяется. Муниципалитет каждый день вылавливает пивные банки, полиэтиленовые пакеты и одинокие – по необъяснимой причине – ботинки.

Но это не ботинок.

Фредерика зашатало. В трех метрах от него в старейшем фонтане Копенгагена плавало человеческое тело – руки раскинуты в стороны, лицо опущено в воду. Дождь молотил по обнаженной спине, и капли отлетали в воздух, образуя сотни

отдельных фонтанчиков.

Какое-то мгновение Фредерик не мог пошевелиться. Его парализовало, как в кошмарном сне, после которого ему бывало грустно просыпаться – все-таки он уже слишком взрослый, чтобы его успокаивала мама.

Затем он закричал – хрипло и бессвязно.

– Помогите! Эй, в воде человек.

Он знал, что должен прыгнуть в фонтан и перевернуть тело, оказать первую помощь, сделать хоть что-нибудь. Но по его бедру потекла теплая моча, давая понять, что сейчас он вряд ли способен хоть кому-то помочь.

Фредерик снова бросил взгляд на плавающее в воде тело. На этот раз он осознал, на что смотрит. Раньше он покойников не видел.

На дрожащих ногах он побежал к круглосуточному магазинчику. Автоматические двери раздвинулись, и до его ноздрей донесся аромат корицы – в ту же секунду он увидел напевающую светловолосую продавщицу. С козырька кепки Фредерику капало в глаза – он вытер пресную и соленую воду.

– Блин, да помогите же! Вызовите полицию!

Продавщица смотрела на него округлившимися глазами. Затем поставила поднос булочек с корицей и протянула свой телефон.

Копенгаген заливало дождем. Перед глазами размывались контуры черепичных крыш и расплывались очертания города. Небо обрушивало каскады неестественно теплой воды на брусчатку Гаммельторв и зонты.

Следователь Йеппе Кернер прищурился и посмотрел вверх. Просвета не предвидится. Возможно, мир и в самом деле вот-вот рухнет, а океаны отвоевывают остатки суши. Он вытер лицо мокрой рукой, подавил зевок и прошел под заградительной лентой. Резиновые сапоги пропускали воду в швах и хлюпали, когда он шел.

Сквозь завесу дождя он увидел укутанные в полиэтилен силуэты – возле фонтана ставили навесы. Такие берут в аренду, когда устраивают вечеринки в саду, – с надеждой, что они не пригодятся. Йеппе укрылся под ближайшим навесом и посмотрел на часы. Начало восьмого, и за облаками вот-вот взойдет солнце. Вряд ли что-то сильно изменится. Сегодняшний день способен только на оттенки серого.

На лежащее в фонтане обнаженное тело падал свет лампы криминалистов. Йеппе понаблюдал за происходящим, пока надевал защитный костюм поверх мокрой одежды. Голова трупа опущена – словно ныряльщик в Красном море. Тело женщины средних лет, насколько Йеппе мог судить по ширине плеч и изгибу позвоночника, обнаженное. Волосы тем-

ные, с седыми прядями, под которыми виднелась кожа головы.

– Ты знал, что он называется «Каритас»?

Йеппе обернулся и встретился взглядом с криминалистом Й. Х. Клаусеном. Морщинистое лицо прикрывал капюшон голубого защитного костюма, из-за чего он был похож на мокрого бойскаута в скафандре.

– Тебя это порадует: ответ – нет, Клаусен. Я этого не знал.

– На латыни «каритас» означает «милосердие». Поэтому наверху – фигура беременной женщины. Символ жертвенности, ну ты понял.

Клаусен смахнул с кустистых бровей дождевую воду и отряхнул руки.

– Меня больше интересует, почему в чаше плавает труп. – Йеппе кивнул в сторону фонтана. – Что у нас есть?

Клаусен огляделся и нашел зонтик, прислоненный к одной из опор навеса. Раскрыл его и шагнул наружу.

– Ну и погода, работать невозможно. Пошли!

Йеппе пришлось согнуться, чтобы его длинное тело уместилось под зонт к низкорослому Клаусену. Возле каменного основания чаши фонтана они остановились и стали разглядывать труп. Из-за капель, растекавшихся по белой коже, тело напоминало мраморную статую. Фотограф из полиции пытался найти подходящий ракурс и прикрывал камеру от дождя.

– Разумеется, судмедэксперты достанут ее из бассейна и

увезут на вскрытие, и только потом мы сможем что-то рассказать. Но это женщина, рост средний, думаю, ей около пятидесяти.

По телу ударил порыв ветра – оно подплыло к ним и стукнулось головой о край фонтана.

– Разносчик газет обнаружил ее в 5:40. Через две минуты из магазинчика на углу поступил звонок в скорую. Как предписывает протокол, ее пытались реанимировать. Не знаю, почему тело так и не достали из воды. Разносчик газет и продавщица сидят в магазинчике с полицейским – ждут допроса. Продавщица пришла на работу в пять часов, и она абсолютно уверена, что тогда в воде никого не было – значит, преступление совершили между пятью и пятью сорока.

– Думаешь, это место преступления? – Йеппе откинул капюшон, чтобы осмотреться получше. – Ее убили посреди Стрёгет?

Клаусен повернулся к Йеппе – зонт наклонился, и на них хлынули потоки дождя. Его волосы мгновенно промокли насквозь.

– Черт, Кернер, извини, а? Промок? Я неточно выразился. Вряд ли ее убили здесь. По многим причинам.

– Слишком рискованно... – Йеппе старался не обращать внимания на капли, стекающие по затылку под плащ.

– Велик риск, что кто-то будет проходить мимо. Одно то, что кто-то осмелился бросить труп в фонтан на Гаммельто-рв... мда, это выше моего понимания. – Клаус недоуменно

покачал головой. – Но не только поэтому. Видишь порезы на коже у нее на руках? Они в воде, поэтому их трудно заметить.

Прищурившись, Йеппе попытался что-то рассмотреть сквозь завесу дождя. На запястье виднелись мелкие параллельные надрезы, образующие симметричный узор. Зияющие раны на белой плоти. Йеппе представил себе разлагающегося на пляже кита и подавил тошноту.

– В воде нет крови?

– Именно! – Клаусен кивнул в знак подтверждения. – У нее наверняка было сильное кровотечение, но следов крови нет – ни в воде, ни вокруг чаши. Идет дождь, но мы бы все равно что-то нашли – если бы что-то было. Она умерла в другом месте.

Йеппе оглядел фасады старых домов.

– Тут полно камер наблюдения, можем запросить данные. Если преступник сбросил тело в воду, то запись наверняка есть.

– Если? – с возмущением спросил Клаусен. – Она не резала себя и не прыгала в фонтан, это я тебе точно говорю.

– Чем это сделали? Ну, порезы.

– Пока не могу сказать. Сначала она отправится на стол к Ньюбо.

Клаусен имел в виду профессора Ньюбо – судмедэксперта, который, как правило, проводил вскрытия во время расследования важных дел об убийствах.

– Но в любом случае орудия убийства тут нет. Собаки здесь уже полчаса, но так ничего и не нашли. И ее одежду тоже.

У Йеппе завибрировал карман, он вытер ладонь о брюки и осторожно достал телефон. Увидел на экране слово «мама» и сбросил вызов. Что ей сейчас нужно?

– Другими словами, сегодня рано утром кто-то привез раздетый труп в центр Стрёгет и сбросил в фонтан?

– Да, похоже на то.

Клаусен придал лицу извиняющийся вид, как будто отчасти виноват в этой абсурдной ситуации.

– Кто до такого додумался?

Йеппе смахнул с затылка воду и потер слипающиеся глаза. Он поспал очень мало, и к тому же плохо. Не рассчитывал, что ему придется разбираться с трупом обнаженной женщины.

*It's raining again. Too bad I'm losing a friend.*²

В голове крутилась надоедливая песня Supertramp о дожде, и Йеппе пожалел, что даже не может выбрать, какая музыка будет его мучить в тот момент, когда истощенный мозг устал. Чаще всего в голове крутились отрывки коммерческой поп-музыки. *It's raining again. Oh no, my love's at an end.*³ Он накинул капюшон и зашагал к киоску, где ждал разносчик

---

² Снова идет дождь. Как жаль, что я теряю друга (англ.).

³ Снова идет дождь. О нет, моей любви конец (англ.). Строки из песни «It's Raining Again».

Невыносимый крик. Долгий, беспомощный плач – той же частоты, что вопль ужаса и жужжание бормашины. Самый отвратительный в мире звук.

Следователь Анетта Вернер перевернулась на другой бок и зажмурилась. Свенн ушел к малышке. Именно сейчас она должна хоть немного поспать – наверстать то, что не успела за ночь. Она положила подушку на голову, отсекая звук и внешний мир. Попыталась вспомнить, чем не готова была пожертвовать в обмен на ночь крепкого и долгого сна, но ей ничего не пришло в голову.

К плачу в соседней комнате добавился успокаивающий голос Свенна. Только бы он закрыл дверь. Может, встать и самой закрыть? Ей ведь еще пописать надо. До первого августа этого года она бы не обратила внимания на полный мочевого пузыря и спокойно спала бы дальше, но теперь больше не полагалась на то, что ее разваливающееся сорокачетырехлетнее тело ей подчинится.

Анетта с трудом села и свесила ноги с кровати. Когда уже уйдет это нескончаемое состояние похмелья и смены часовых поясов?

Она медленно встала, отмечая, что каждая часть тела проседает под весом скелета, который больше не поддерживали

крепкие мышцы. Ныла грудь. Оглядев себя, она отметила, что даже не сняла на ночь обувь, и доползла по ковру, словно зомби, мимо детской до туалета. Как Свенну удастся сохранять такое спокойствие и оптимизм? Она заперла дверь и посмотрела на себя в зеркало. «Я похожа на живой труп, – подумала она, садясь на унитаз, – вот бы умереть».

Примерно так же она думала около года назад, когда обнаружила, что беременна. Они не собирались заводить детей, давно договорились, что это не для них и вместо этого они станут лучшими в мире хозяевами для собак. Незадолго до ее сорокового дня рождения они вообще перестали об этом говорить. По иронии судьбы, видимо, именно тогда и стали небрежно относиться к предохранению; у них из головы начисто выветрилась мысль о том, что секс может привести к беременности. Долгое время Анетта просто-напросто думала, что больна, что унаследовала от отца проблемы с сердцем и что пульс у нее скачет навстречу шунтированию и кардиостимулятору. Результаты анализов принесли облегчение. Затем – шок.

«Вот бы умереть».

Вообще все шло хорошо. Свенна новость неожиданно обрадовала, и он все время ее поддерживал. Беременность протекала образцово, все показатели были в норме, роды прошли быстро и без осложнений. Она бросила вызов неутешительной статистике и побила все мыслимые рекорды женщин, которые в первый раз забеременели в возрасте за сорок.

Но когда ей на руки положили маленькую девочку, чистую и красивую, которая сразу же принялась сосать грудь, Анетта ничего не почувствовала. Привязанность, которая должна была возникнуть инстинктивно, пришлось вымучивать, а почувствовать любовь оказалось трудно. Во всяком случае ей.

У Свенна было по-другому.

В последние два месяца его любовь к маленькому новому человечку лишь крепла. Его взгляд, когда он держал ее на руках! Светившиеся от гордости глаза. По морю семейной жизни Свенн плыл как рыба и уже стал настоящим отцом. Анетта пыталась, правда пыталась. Только бы не уставать все время.

Она опустила руки на бедра, наклонилась вперед и уронила лоб на ладони.

– Заснула, дорогая?

Анетта подняла голову рывком – шея напряглась, грозя головной болью. Из-за двери донесся голос Свенна – наверное, возле туалета стоит.

– Я писаю. А можно подождать две минуты?

Она слышала в голосе раздражение, обиду, которую наблюдала у других женщин, но сама затаивала редко. Теперь Анетта не могла от нее отделаться. Она встала, помыла руки и открыла дверь.

– Она голодная. Поэтому не успокаивается. Смотри! Ртом грудь ищет.

Свенн нежно поднял их дочь и поцеловал в лоб, после чего передал Анетте. Протягивая руки, она ощутила уже хорошо знакомый прилив страха от того, что может уронить малышку на пол. Те, кто сравнивают заботу о собаке с заботой о ребенке, ничего не знают, подумала она, хотя два с половиной месяца назад сама была из их числа. Она смотрела на плачущего младенца, лежащего на руках.

– Я скучаю по ребятам. Когда мы их заберем?

Свенн обеспокоенно на нее посмотрел.

– Собаки прекрасно проживут у моей мамы еще пару недель. Сейчас главное – малышка Гудрун.

– Хватит ее так называть! Мы еще не определились с именем.

Анетта грубо протиснулась мимо мужа – тот вжался в стену коридорчика перед туалетом.

– Я думал, ты хотела назвать ее Гудрун.

Анетта двинулась ко входной двери.

– Я посижу в машине, там покормлю. И не говори ничего, мне там будет лучше.

Она с силой захлопнула дверь – насколько это позволил лежащий на руках младенец. Побежала под дождем к машине, стоящей под навесом, и открыла ключом дверь. Малышка перестала плакать – возможно, из-за того, что ей на лицо вдруг закапал дождь.

В машине висел знакомый успокаивающий запах – работы и собак. Анетта уселась, задрала футболку и приложила дочь

к распухшей груди. Она тут же взяла грудь и стала сосать. Успокоилась. Анетта тяжело дышала, пытаясь унять неухожащее чувство тревоги. Нежно стерла капли дождя с лица младенца и погладила мягкую головку. Когда она вот так спокойно и тихо лежит, с ней просто замечательно. Сложнее было привыкнуть к плачем и ночными пробуждениями. И декретом. Анетта скучала по работе.

Она бросила взгляд на дом. Свенн наверняка пылесосит или прибирается. Она торопливо открыла бардачок и достала полицейскую рацию. Вообще та должна была лежать на зарядной станции в управлении, но Анетта не стала ее сдавать. Когда в управлении обнаружат, что рация пропала, и отключат ее – вопрос времени, но она довольствовалась тем, что пока что может ее слушать. Она убедилась, что звук выставлен на минимальную громкость – ребенок не испугается, – и включила. От знакомых щелчков у нее засосало под ложечкой.

– ...И нам нужно сопровождение для тела, которое обнаружено на Гаммельторв в Копенгагене. Его необходимо доставить в центр экстренной помощи, где проведут вскрытие. Мы перекроем Фредериксберггаде, Гаммельторв и Нюторв, пока криминалисты из Национального центра криминалистики собирают улики...

Убийство на Гаммельторв? Это дело будут расследовать ее коллеги из полицейского управления. Анетта сделала погромче и охнула. Почему столь естественная вещь, как груд-

ное вскармливание, – это так больно?

– ...Мы запросим данные со всех камер наблюдения. Следственная группа из полицейского управления под руководством следователя Кернера...

Следователь Кернер. Следователь Йеппе Кернер, сотрудник отдела по расследованию преступлений против личности, подразделение один, больше известного как отдел убийств. Ее напарник.

Кернер – он теперь без Вернер. Вернер – она теперь без работы. Анетта выключила рацию.

* * *

– Кто-нибудь в курсе, куда делась Сайдани?

Йеппе задал вопрос между делом, пока возился с компьютерным кабелем, стоя спиной к коллегам. В принципе, он должен лучше всех знать, где находится следователь Сара Сайдани, поскольку провел в ее постели большую часть ночи, но они договорились: остальных сотрудников отдела убийств это пока не касается.

– Может, у нее ребенок заболел, как обычно? Краснуха? Чума? Дети вечно всякую заразу цепляют, поэтому она на работу не может выйти.

Следователь Томас Ларсен бросил в мусорное ведро бумажный стаканчик от дорогого кофе навынос – тот описал элегантную дугу. У Ларсена не было ни детей, ни понимания

к тем, кто их завел, – и он не стеснялся делиться взглядами с коллегами.

Йеппе посмотрел на висящие над дверью часы. Пять минут одиннадцатого. «Значит, начнем без нее». Он отметил, что в системе какой-то сбой, и отрегулировал яркость картинки, мерцавшей перед ним на экране в зале для совещаний, обернулся и кивнул ожидавшим двенадцати коллегам – все держали в руках блокноты и внимательно на него смотрели. Не каждый день в фонтане в Стрёгет находят обезображенный женский труп.

– Ну, хорошо! Итак, вкратце: звонок поступил в 5:42, и первая патрульная машина прибыла на место через шесть минут. Дежурный врач скорой помощи констатировал смерть в 6:15. – Йеппе сложил руки на груди. – Лима 11 сразу же классифицировал случай как подозрительный и вызвал нас.

Дверь в переговорку осторожно открылась – Сара Сайдани тихо вошла и села на стул у стены. Ее мокрые кудри блестели от воды, глаза у нее ясные.

Йеппе сразу приободрился – это ощущение было ему хорошо знакомо и появлялось всегда, когда она была рядом.

Она.

Сара Сайдани, коллега по отделу, мать двоих детей, разведенная, с тунисскими корнями и кожей цвета молочного шоколада.

– Добро пожаловать, Сайдани.

Йеппе бросил взгляд на лежащий перед ним блокнот, хотя прекрасно знал, что там написано.

– На данный момент в погибшей опознали соцработника Беттину Хольте, пятьдесят четыре года, живет в Хусуме. Вчера она пропала без вести, и поэтому ее фотографии есть в системе, но личность пока не подтвердили.

Он сослался на сведения внутренней системы обработки данных, где хранится вся информация о текущих и закрытых делах. На первый взгляд – разумно и эффективно. На самом деле – нет.

– Членов семьи вызвали на опознание, скоро нам сообщат о результатах. Тело было раздето и лежало лицом вниз, как на этой фотографии.

Йеппе выбрал зернистую фотографию, нажал на кнопку и вывел на экран изображение крупным планом – белое тело в черной воде.

– Согласно свидетельским показаниям, в пять часов утра тела в фонтане не было, поэтому мы исходим из того, что ее принесли туда между 5:00 и 5:40. Нам нужны все записи с камер видеонаблюдения...

– Кернер?

– Да, Сайдани?

– Я взяла на себя смелость – забрала записи с муниципальных камер видеонаблюдения и просмотрела их. Поэтому опоздала. – Сара Сайдани протянула флешку, держа ее двумя пальцами. – Запись с камеры видеонаблюдения, кото-

рая висит над киоском, удачная. Перемотай на 5:17!

Одобрительно кивнув, Йеппе взял флешку, открыл видео и стал перематывать. На экране замелькала картинка – темная и пустая площадь, где ничего не происходит, только от ветра упал велосипед. На отметке 5:16 Йеппе оставил обычную скорость воспроизведения, и через минуту в верхней части изображения появилась тень.

– Он приехал со стороны Студиетреде и поехал в сторону фонтана, – оживился Йеппе. – На чем он едет?

– Он или она едет на грузовом велосипеде. Да посмотри же! – Сара с раздражением указала на экран.

Темная фигура подъехала к фонтану и уличному фонарю, освещавшему Фредериксберггаде. Человек и вправду ехал на грузовом велосипеде, он закутался в темный плащ и накинул на голову капюшон. Непонятно, мужчина это или женщина – да и человек ли вообще. Возле фонтана велосипед остановился, и ездок ловко с него соскочил.

– Слезает как мужчина. Заносит ногу над седлом.

Ларсен встал и показал, что имеет в виду.

Сара тут же ответила:

– Я тоже так слезаю с велосипеда, это ни о чем не говорит. Смотри на платформу...

Фигура в плаще убрала темную ткань или полиэтиленовую накидку с продолговатой плоской платформы. Мертвое тело было хорошо видно в темноте, фигура быстро его подняла и без труда перенесла через край чаши фонтана. Труп

уже лежал в воде, а фигура все стояла.

Йеппе отсчитал две секунды, пять.

– Что он делает?

– Любуется, – встрял Ларсен. – Прощается.

Через семь долгих секунд темный силуэт сел на велосипед и покатил от фонтана в том же направлении, откуда приехал. Йеппе выждал секунду, чтобы убедиться, что больше смотреть не на что, и остановил видео. Убийца на грузовом велосипеде, *only in Denmark*⁴! Он устало вздохнул.

– Сайдани, будь добра, передай записи с камер видеонаблюдения нашим друзьям-криминалистам из Национального центра судебной экспертизы и попроси их проверить камеры наблюдения в районе – отследим, откуда он приехал. Хорошо бы изучить его перемещения по всему городу.

Со второго ряда стульев на него смотрели карие глаза Сары. Вид у нее был довольный, лицо светилось от восторга. Влюбленность? Йеппе не смог истолковать ее взгляд и торопливо опустил глаза, пока на лице не появилась неуместная улыбка.

– Работаем по обычной схеме: как, почему и кто. Как обычно, мы с Фальком – напарники; Сайдани, ты будешь с Ларсеном.

Ларсен победоносно вскинул руки, и Йеппе на секунду даже разозлился, что этот дурак будет рядом с Сарой. Но по-другому нельзя – есть опасность, что вокруг начнут сплет-

---

⁴ Только в Дании! (англ.)

ничать.

– Мы с Фальком поедem на вскрытие, а потом допросим ближайших родственников Беттины Хольте. Естественно, при условии, что это вообще она. Сайдани, как обычно, занимается электронной почтой, телефоном и соцсетями.

Сара кивнула.

– Все ее вещи пропали? Сумочка, телефон, одежда, которая на ней была?

– Пока что мы ничего не нашли.

– Попроси родственников отдать нам ее компьютер и возьми ее номер телефона, чтобы я запросила информацию о звонках. Возможно, она общалась с убийцей.

– Попросим. Ларсен занимается свидетелями и допрашивает коллег, соседей, товарищей по гандбольной команде и всех, кого можно допросить.

Йеппе оглядел собравшуюся команду. Его собственная следственная группа плюс подкрепление – все готовы к работе по сбору свидетельских показаний, которая потребует немало сил.

– Нам нужно будет обойти все дома на Гаммельторв и допросить всех возможных свидетелей. Вдруг кто-то не спал и выглянул в окно в пять пятнадцать утра.

Один из сотрудников вытянул гигантскую руку вверх и кивнул, блеснула лысая макушка. Йеппе его узнал – Мортен или Мартин, один из новых молодых сотрудников.

– Я буду обходить дома.

– Отлично. Доложите напрямую следователю Ларсену, пожалуйста.

Лысый Мортен или Мартин снова кивнул.

– Надо будет заняться и велосипедом с видео. Можно ли узнать его марку? Кто ими торгует, заявлял ли кто-то о пропаже такого велосипеда в последние пару месяцев и так далее.

Вызвался Ларсен, как всегда дерзко и надменно.

Йеппе кивнул ему и перевел взгляд на комиссара полиции в первом ряду.

– Комиссар, на тебе пресса?

Ее уставшие глаза встретились с его. Комиссар, как ее все называли, уже давно грозила уйти на пенсию, но, насколько Йеппе мог судить, была бодрее и внимательнее, чем когда-либо, и он считал, что она еще пару лет поработает.

Сейчас она по-юношески подняла большой палец. Для нее пресс-конференции не были поводом для особого беспокойства, а вот для Йеппе превращались в почти непреодолимые препятствия.

Он с благодарностью кивнул.

– Вопросы?

Он оглядел собравшихся и остановил взгляд на следователе Фальке – тот смотрел в стол, как будто от него ожидали чего-то такого, что он не сможет исполнить. Фальк – пожилой следователь, его усы соревновались с бровями по густоте и седине. Круглый живот, как правило, поддерживала пара

ярких подтяжек, а скорость его работы колебалась в пределах от умеренной до черепашьей. Фальк только что вышел на работу после долгого больничного, связанного с перенапряжением, – на первый взгляд и не скажешь, что он в форме.

Йеппе хлопнул ладонью по столу.

– За работу!

Полицейские встали и потянулись к двери, взяв с собой блокноты и пустые кружки из-под кофе, беседовали и обговаривали детали. Сайра Сайдани и Томас Ларсен ушли вместе, Ларсен небрежно положил руку ей на плечо. Йеппе потрогал языком язву на внутренней стороне щеки и сжал зубы. Через минуту в переговорке остались только он сам и комиссар.

Она серьезно на него посмотрела.

– Кернер, мне нужно, чтобы ты сказал, что сможешь вести это дело. Что готов к этому.

– Ты о чем? Ты же сама меня выбрала.

Комиссар приподняла брови – ко лбу потянулись и тяжелые веки.

– Я не сомневаюсь в твоей компетентности.

– Тогда зачем ты спрашиваешь?

– Спокойно! У меня от этого дела плохое предчувствие. Его будет непросто раскрыть и преподнести прессе. А ты ведь без напарника...

Так вот чего она боится! Что у него не получится руководить расследованием крупного дела, когда рядом не будет

Анетты Вернер. Йеппе одобряюще ей улыбнулся.

– Разве не получится раскрыть дело быстрее, раз Вернер не будет путаться у меня под ногами?

Комиссар полиции похлопала его по плечу и вышла. Похоже, он ее не убедил.

Глава 2

– С кем ты разговариваешь, Исак?

Юный пациент поднял бледное лицо от книги и удивленно на него посмотрел.

– Ни с кем. Я говорил вслух?

– Да.

Воспитатель Симон Хартвиг ободряюще улыбнулся, не стараясь заглянуть ему в глаза. Главное – вовремя заметить психотические симптомы, пока они не стали усугубляться. С виду Исак спокоен.

– Хорошо. Ну читай.

Стены общей комнаты выкрашены в оранжевый и украшены киноафишами. «Бриолин», «Красотка», «Тупой и еще тупее». Двое пациентов играли в кикер, в углу группа плела брелоки из ниток под руководством его активной коллеги Урсулы. По крыше барабанил дождь, пахло свежее испеченным хлебом, скоро всем дадут посидеть в телефоне – до обеда. Здесь было даже хорошо. Стационарное отделение U8 предназначалось для наиболее тяжелых случаев – подростков с такими заболеваниями, как параноидальная шизофрения, – но тихим утром понедельника, как сегодня, вполне можно было решить, что это обычная школа. Школа с уроками игры на гитаре и круглосуточно дежурящим персоналом. Комнатой для творчества, домашней выпечкой и зам-

ками на окнах.

Симон сел на стул и посмотрел в окно, на больничный парк. С бука уныло капала вода, и из-за него парк вокруг Центра детской и подростковой психиатрии в Биспебьерге напоминал скорее кладбище, а не зону отдыха. Он злился, что на улице у подростков нет более благоприятных условий – природы, которая могла бы послужить средой для приобретения полезного опыта. Он долго боролся за то, чтобы разбить огород. Все современные исследования доказывают четкую связь между активностью на свежем воздухе, здоровым питанием и душевным здоровьем – разве не разумно разбить рядом с психиатрической лечебницей огород?

Система ужасно неповоротлива, он и раньше терпел поражение, когда предлагал перевести столовую на органические продукты и превратить закрытую часть больницы в досуговый центр. Но в этот раз появилась надежда.

Полгода назад он вместе с коллегой Гормом организовал комитет, который писал письма в городской совет и собирал подписи сотрудников и родных пациентов. Сейчас на огород удалось собрать 150 000 крон. К сожалению, план застрял в Департаменте техники и охраны окружающей среды, по мнению которого территория вокруг больницы является природоохранной зоной. Но комитет и не собирается сдаваться – уж он об этом позаботится.

Симон оглядел общую комнату и убедился, что все заняты и спокойны. Группа, которая делала брелоки, побросала

нитки и пошла играть в каррбóм⁵, Исак по-прежнему читал, поджав под себя ноги.

Порой работать в секторе здравоохранения – все равно что делать ремонт с помощью пластилина. Он регулярно шел домой с дежурства с ощущением, что работа не приносит никакого результата, что он не справляется. Хотя он был молод и недавно получил образование, он уже замечал, как к нему подкрадывается бессилие. Здесь не помогут выжить инициативность и решительность. Но он не способен принять тот факт, что условий получше у пациентов нет и что красивые больничные помещения не используют должным образом. Как раз потому, что ему нравилось это место и он ценил старые здания, которые были спроектированы так, чтобы пережить своих строителей. Они напоминали ему о прошлом, когда проблема решалась раз и навсегда, а не временно.

Общество изменилось. Сегодня стиральные машины разваливаются через два месяца после истечения гарантийного срока, дома строят из изоляционного материала и штукатурки, а боль заглушают болеутоляющим, не думая о том, что стало причиной болезни. Лечат симптомы.

Победа лени, поражение системы. Он решил встать и пройтись.

– Кто выигрывает? Исольда, ты ведь не жульничаешь? Я за тобой слежу!

Он потрепал Исольду по руке и, улыбаясь, зашагал даль-

---

⁵ Карром – игра, разновидность бильярда.

ше. Одно из преимуществ молодости: пациентам проще общаться с ним, чем со многими его старшими коллегами. Он собрал нитки, хотя вообще-то они должны были сами этим заняться, и в итоге снова вернулся к стулу, где сидел Исак.

– Ты позавтракал?

Исак рассеянно кивнул.

Невинный, но на самом деле важный вопрос. Исак мог и забыть поесть – как следствие, нейрорептик вызовет у него тошноту. В прошлый раз его вырвало сероквелем, и он несколько часов прятался где-то на территории больницы. Потом у пруда нашли четырех уток с оторванными головами.

Симон наблюдал за Исаком уже почти полгода и постепенно узнал, что с ним случилось. Шизофрения проявилась в раннем подростковом возрасте, но поскольку у него уже был диагноз «синдром Аспергера», родственники долго полагали, что происходящее – еще одна форма расстройства аутистического спектра. Прошло очень много времени, прежде чем ему подобрали терапию. Симон видел, как в глазах родственников медленно, но верно гаснет надежда – по мере того, как болезнь прогрессирует, а диагнозы копятся. Теперь его, как правило, навещал отец, приходивший один, иногда он приносил Исаку журнал или книгу – всегда с улыбкой, от которой у Симона сжималось сердце. Ему самому отец никогда такого внимания не оказывал. У Исака были любящие родители, чье бессилие лишь подтверждало, что болезнь их сына прогрессирует и он отдаляется от мечты жить *нормаль-*

ной жизнью.

– Посидишь в комнате отдыха, пока остальные телефонами заняты?

– Да, спасибо.

Исак резко встал.

Симон знал, что Исаку нравится небольшое помещение, в котором, благодаря комитету, появились обои в цветочек, эфирные масла и тихая музыка. Отчасти потому, что там можно спокойно почитать, а еще – потому, что там Исак не увидит, как остальные сидят в интернете, к которому у него самого доступа нет.

– Книжку возьмешь?

Исак показал потертый экземпляр «Мотылька». Под два метра ростом, тощий, как воин из племени масаи, он шагал неуклюже и прерывисто, как будто во время каждого шага пол подталкивал подошвы его стоп. В комнате отдыха он сел в кресло-мешок, поджал под себя ноги и снова стал читать.

Симон вышел и проверил карман, на месте ли тревожная кнопка. Исак скоро станет совершеннолетним – и его переведут во взрослую систему, а он к этому совсем не готов. Мысль об этом была совершенно невыносима. Где он будет жить? В общежитии для душевнобольных, где на десять пациентов днем дежурит один воспитатель? А если там места не найдется, то в интернате или приюте? Буквально на улице. Его будут госпитализировать и выписывать, ему будет все хуже и хуже, пока... Сколько пройдет времени, прежде чем

все кончится плохо? Симон закрыл дверь, в крови закипал гнев. Ему было ясно: если он хочет что-то изменить, придется пойти на крайние меры.

* * *

Ножи висели на крюках у выложенной плиткой стены, рядом с электрическими и ручными пилами. Тяжелые и крепкие инструменты, предназначенные для вскрытия грудной клетки и черепа. Целый мир из стали и продезинфицированных поверхностей, клиническая точность в работе с выделениями, разложением и хаосом. На всех поверхностях и углах имелись отдельные отверстия для отведения телесных жидкостей и последних следов жизни. Промывочные шланги и несколько полов, магнитные доски и хорошее освещение.

Застегивая защитный костюм, Йеппе Кернер бросил взгляд на огромный коготь, свисавший с потолка. Он пожалел, что съел на завтрак сэндвич с чоризо – с колбасой вот-вот придется расстаться. Прозекторская Института судебной медицины – не то место, где хочется вспоминать вкус мертвой плоти.

Рядом с ним Фальк натягивал на седые волосы белую шапочку – теперь он больше, чем когда-либо, напоминал медвежонка из комиксов. Наверное, Паддингтона, попавшего в ледяной мир стали и трупов, ожидавших вскрытия.

– Начинается. – Йеппе кивнул в направлении дальней

прозекторской и пошел туда. Паддингтон – за ним.

Профессор Ньюбо стоял рядом с судмедэкспертом и фотографом из полиции возле стола в центре комнаты. В ярком свете они отбрасывали тени на тело покойной – кожа то светилась, как снег на солнце, то погружалась в сероватый мрак.

– Кто у нас здесь? – Ньюбо поднял голову – из-за длинной морщинистой шеи он напоминал черепаху-аристократку. – Кернер и Фальк, подойдите поближе. Мы почти закончили внешний осмотр.

Йеппе подошел вплотную к столу и стал осматривать труп. Она лежала лицом вверх, подбородок приподнят, ладони раскрыты, по-прежнему обнаженная, кожа бледная, как воск, челюсти широкие. Ноги сильные, в узелках вен, волосы – и на голове, и в паху – седые и кудрявые. После капитуляции любой изъян незащитного тела был хорошо заметен. И тем не менее в мертвой женщине, лежавшей на столе, была какая-то особая хрупкая красота.

– Личность установили?

– Как мы и предполагали, это Беттина Хольте, пятьдесят четыре года, соцработник, живет в Хусуме с мужем, есть двое взрослых детей. Родственники ее опознали.

Йеппе кивнул Фальку.

– Сообщишь, что ее уже не надо разыскивать?

Фальк отошел на пару шагов и повозился с защитным костюмом, ища телефон.

– А от чего она умерла?

Прежде чем ответить, Ньюбо сосредоточенно провел ватной палочкой по соску трупа и убрал в стерильный пакет.

– Она умерла от остановки сердца, Кернер, как и все. Еще о чем-нибудь хочешь спросить перед вскрытием?

Йеппе подавил вздох.

– Просто расскажи мне, что тебе сейчас известно. Будь так добр.

– Добрый – мое второе имя.

Ньюбо взял со стола за спиной металлическую палку. Вроде телескопической указки, которыми раньше пользовались учителя, показывая на карте мира Джибути. Ньюбо указал ею на запястье жертвы.

– Порезы видишь? Вон там, там и там.

Он переместил указку на бедро. Йеппе наклонился поближе. На каждом запястье и в паху слева на коже зияли порезы шириной в сантиметр, расположенные параллельно друг другу. Всего двенадцать ран – точно вдоль важнейших артерий тела.

– Беттина Хольте истекла кровью. Кроме этих ран, других внешних повреждений я не нашел. Поэтому уже сейчас могу это утверждать с довольно высокой долей вероятности.

– Истекла кровью? – Йеппе изо всех сил старался не слушать, как Фальк разговаривает по телефону. – Разве такое обычно бывает не при самоубийствах, когда себе запястья режут?

– Не в этом случае. Могу тебя заверить: это точно не са-

моубийство.

Нюбо снова вернул указку на левую руку трупа.

– Видишь красные отметины под мышками? Женщину привязывали широкими ремнями. И за лодыжки тоже. Возможно, и ладони – во всяком случае кожа на них красная. – Он снова переместил указку.

– Почему ладони?

– Чтобы жертва не могла сделать вот так.

Нюбо поднял руку в перчатке, сжал в кулак и пригнул к запястью.

– Кровотечение приостановилось бы. По крайней мере на время.

Нюбо убрал указку и задумчиво прижал палец к подбородку.

– Судя по трупному окоченению, смерть наступила где-то между полуночью и тремя часами утра – к сожалению, из-за того, что она два часа пролежала в фонтане, более точно определить не получится. А еще женщина лежала на спине, когда умирала. Видимо, преступник связал ее, перерезал артерии и дождался, пока она истечет кровью.

Йеппе заметил, что Фальк снова стоит у стола, что-то записывает и, сам того не осознавая, неразборчиво напевает. Непрошенная передышка от музыки, звучавшей в голове у самого Йеппе.

– Преступник наверняка заткнул ей рот кляпом. Или вколол обезболивающее? Иначе она бы кричала, звала на по-

мощь.

– Да, и кричала бы от боли.

Нюбо стал состригать покрытые красным лаком ногти в маленький пакетик.

– Она истекала кровью, и ей было больно. Возможно, не в первые десять-пятнадцать минут, но когда начинают отказывать сердце и другие жизненно важные органы, приходит очень-очень сильная боль. С такими ранами она умерла примерно через полчаса. Смерть наступила бы быстрее, если бы ей перерезали сонную артерию.

– Значит, это произошло не сразу?

Нюбо задумчиво кивнул и закрыл пакетик с ногтями.

– Да, в этом и смысл.

– Ужас! – Йеппе передернуло. – В таком случае преступник точно не вкалывал ей обезболивающее.

– Разумеется, это покажет токсикологическое исследование, но я тоже думаю, что он ничего ей не вкалывал.

Нюбо опустил висящий на лбу фонарь, открыл рот трупа и посветил туда.

– Зубы не повреждены, но ей наверняка воткнули в рот кляп – например, смятый полиэтиленовый пакетик или мягкий мячик. Нетрудно сделать так, чтобы человек не кричал.

Йеппе надолго закрыл глаза и представил себе эту картину. Раздетая и связанная женщина истекает кровью, не может даже закричать от боли, а жизнь медленно ее покидает.

– Есть признаки сексуального насилия?

Прежде чем ответить, Ньюбо взял очень длинную ватную палочку, опустил ее в горло женщины и протянул судмедэксперту.

– Явных – нет. Такое вполне вероятно, раз ее нашли обнаженной, но признаков пенетрации и сопротивления, а также семени в полостях нет.

– Ясно. – Йеппе склонился над столом и посмотрел на запястья. – Зачем столько ран? Почему преступник просто не перерезал артерии?

Ньюбо обернулся и стал искать что-то на рабочем столе.

– Ага, Кернер, на этот раз ты задал хороший вопрос.

Он поднял к глазам скальпель.

– Этого я не знаю. Для начала хотелось бы понять, чем вообще сделаны эти порезы.

Судмедэксперт приподнял голову трупа, Ньюбо сделал разрез на затылке, отложил скальпель и опустил лицо женщины к груди.

Йеппе знал, что следующий этап – вскрытие черепной коробки; мозг вынут и взвешают, разрежут на тонкие пластины и изучат. В конце его поместят в желудок, к другим органам, а кожу зашьют. Черепную коробку заполняют волокнистым материалом и впитывающей бумагой. Если поместить мозг обратно в черепную коробку, есть риск, что во время похорон оттуда начнет сочиться жидкость.

– Дай руку!

Йеппе вытянул руку – она затряслась над трупом без лица,

лежавшем на столе.

– Что ты придумал?

Нюбо закатал рукав Йеппе, повернул руку ладонью вверх и прижал к тонкой коже запястья лезвие скальпеля поменьше.

– Вряд ли я смог бы сделать такие симметричные разрезы, как бы ни старался. Даже самым маленьким скальпелем.

Йеппе убрал руку и опустил рукав.

– Другими словами, мы ищем нестандартное орудие убийства.

– Другими словами, да, Кернер. – Нюбо помахал скальпелем, поблескивавшим от яркого света. – Мы ищем нестандартное орудие убийства.

* * *

– Мысли о самоубийстве?

Эстер де Лауренти задумалась над вопросом.

Психиатр рассматривала ее – между стекол очков без оправы залегла морщина, и она снова задумалась, может ли она, женщина шестидесяти девяти лет, воспринимать всерьез такого молодого врача. Сколько ему? Чуть за тридцать?

Эстер оглядела кабинет, сознательно избегая его тяжелого взгляда. Стену за его спиной закрывал шкаф из полированного орехового дерева со стеклянными дверцами, забитый книгами по психиатрии и медицине, а на остальных – совре-

менное искусство и бабочки за стеклами.

– Вас посещают мысли о самоубийстве?

Она явно слишком долго раздумывала. Эстер обратила внимание, что вопрос он повторил громче – на тот случай, если она его просто-напросто не расслышала, и тут же решила, что он ей не нравится. Идти к нему было рискованно. Некоторые ее ученые друзья горячо его рекомендовали, другим не нравились его методы. Мнения о молодом психиатре Петере Деманте ходили неоднозначные.

Эстер взяла себя в руки.

– Нет... эм, вообще нет, давно не было.

– Но они у вас были?

Он указал в ее сторону толстой шариковой ручкой «Мон-блан», как адвокат из кино.

– Как я уже говорила, год назад у меня было сильное потрясение, я потеряла двух близких людей. Впоследствии... после того как...

Эстер потянулась за стаканом воды, сделала крошечный глоток и вернула стакан на место.

– Тогда же я переехала из дома детства – мне было непросто. В тот период я пережила несколько мрачных моментов. Но это было давно. Отвечу на ваш вопрос в настоящем времени: нет, меня не посещают мысли о самоубийстве.

Он записал что-то в блокнот и стал смотреть на нее сквозь стекла очков.

– Тем не менее вы пришли ко мне. Зачем?

Да, а собственно, зачем?

Депрессии у Эстер не было. Дни текли гладко, но ничего выдающегося не случилось. Она ушла на пенсию с должности преподавателя по литературе в Копенгагенском университете. Жила с комфортом в центре, в собственной квартире на Пеблинге-Доссеринген, которую смогла купить после продажи дома на Клостерстреде и которую делила со своим другом и съемщиком Грегерсом и двумя мопсами – Доксой и Эпистемой. Денег хватало, она была еще в форме и располагала кучей времени, чтобы реализовать писательские амбиции.

Только у нее не получалось ничего написать. Тот детектив, о котором она мечтала, Эстер забросила, а придумать что-то еще не могла. Идеи витали где-то далеко, всякий раз, когда она садилась за клавиатуру, на нее наваливались усталость и огромное нежелание работать. Вместо этого день за днем она тратила время на быт и повседневные дела: покупки, прогулки, чтение газет, обеды в компании друзей и так далее. У нее ничего не получалось. Шли дни.

– У меня ощущение, будто внутри все застыло. Остановилось. Мне не плохо, но я и не счастлива по-настоящему. Это о чем-то говорит?

Психиатр склонил круглое и гладко выбритое лицо набок и улыбнулся – улыбка быстро исчезла.

– Это о многом говорит, вы далеко не единственная. Депрессия – очень распространенное заболевание.

Эстер удивленно покачала головой – ее сережки даже задела шею.

– У меня не депрессия, просто... все остановилось.

– В каком смысле остановилось?

Она подумала, прежде чем ответить.

– Я как-то расклеилась летом, и мне сложно снова собраться. Не то чтобы я все время какая-то подавленная, просто...

– Бессоница? Как вы спите по ночам?

– Ну, я обычно просыпаюсь где-то в три-четыре часа.

– А как у вас с аппетитом?

Эстер пожала плечами. Вообще за последние пару месяцев она сбросила четыре килограмма, как-то не хотела есть.

Психиатр снял очки – отточенным движением, которое должно было продемонстрировать его авторитет, – и серьезно на нее посмотрел. Эстер тут же раскусила его прием, но с раздражением отметила, что он сработал.

– У вас полностью поменялась жизнь, когда вы вышли на пенсию, а кроме того, пережили две смерти. Вам тяжело есть и спать, и вас не отпускает ощущение подавленности. Я все верно понял?

– Да, верно.

– Мне кажется, у вас травма. Возможно, сами вы этой остроты не замечаете и не считаете, что у вас депрессия. Полагаю, вы привыкли сжимать зубы и идти вперед. В то же время вы из тех, кого я называю незрелыми. Те, кто не пасу-

ет перед трудностями и несчастьями, отказывается считать себя жертвой. Борец, крепкий орешек.

Эстер почувствовала, как теплая волна дурноты поднимается по горлу и растекается по лицу.

Она отвернулась от взгляда его колких глаз и стала рассматривать то, что висит на стенах. Кому вообще придет в голову собирать изувеченных бабочек?

– А теперь травма вас догнала. Так обычно бывает с непроработанными эмоциями.

Петер Демант снова надел очки.

– Давайте спланируем график на осень, будете приходить раз в две недели, чтобы добраться до того, что вас тормозит.

Эстер подняла руку.

– А таблетка не поможет? Таблетка счастья?

– Вы про антидепрессанты? – Он положил блокнот на полированный письменный стол у окна с видом на площадь Святой Анны и криво улыбнулся. – Они не делают людей счастливыми – просто дают возможность выздороветь тем, кто страдает депрессией. И я не прописываю их до тех пор, пока не оценю состояние пациента.

– Дело не в том, что я не хочу ходить на терапию, просто...

– Вас никто ни к чему не принуждает. Если вы хотите мое мнение, терапия позволит вам продвинуться вперед. По крайней мере поначалу. – Он встал. – Если хотите продолжить лечение, запишитесь на прием через пару недель. Но поторопитесь, сеансы быстро расхватывают.

Петер Демант обошел письменный стол и открыл дверь в приемную. В дверях он пожал ей руку.

– Спасибо вам.

Он передал Эстер улыбающейся ассистентке, сидевшей у платежного терминала. Она достала из сумочки кошелек, а пин-код ввела, даже не посмотрев на сумму; забрала чек и торопливо вышла на внушительную лестницу, украшенную золочеными завитушками. Она пробыла там три четверти часа и должна была взбеситься при виде четырехзначной суммы на чеке. В обычной ситуации так бы и случилось, в обычной ситуации ее возмутил бы подобный грабеж. Держась за перила, она стала быстро спускаться, мечтая поскорее выйти на свежий воздух. Возможно, это и есть путь вперед, хоть он будет тяжелым и затратным. Разве это не обыкновенная ребяческая гордыня – из-за нее она чувствовала, что оказалась незащищенной, почти униженной? Потому что психиатр был так уверен в диагнозе, что поставил его за секунду. Потому что от нее буквально исходила чернота.

Площадь Святой Анны встретила ее тяжелыми тучами и лужами на широких тротуарах. Дверь захлопнулась за ней с тяжелым грохотом, и она вышла навстречу ветру. На мгновение закрыла глаза и сделала глубокий вдох, после чего пошла. На другой стороне площади есть кафе Joe & The Juice. Она пересекла площадь и вошла в черно-розовое заведение, где гремели басы. Люди сидели на барных стульях и бесе-

довали, перекрикивая громкую музыку, как будто так и надо. Эстер встала в очередь и смотрела, как молодые люди за барной стойкой жонглируют яблоками и весело подмигивают посетительницам. Выглядело это зрелище неестественно. Тем не менее в нем было что-то особенно успокаивающее.

Она заказала кортадо, и ей игриво улыбнулся юноша – да он как минимум в три раза младше. Его голубые глаза сияли доверием к жизни и интересом к миру, его воодушевление было заразительно. Уже доставая кошелек из сумки, Эстер сообразила, что так и держит в руке чек от Деманта. Без дальнейших раздумий она смяла его и бросила в ведерко, предназначенное для чаевых и номеров симпатичных девушек. Затем улыбнулась в ответ.

Глава 3

Оштукатуренная белая кирпичная вилла семьи Хольте располагалась в тихом жилом квартале недалеко от площади Хусум-торв. На каждом участке – бунгало и кирпичные виллы, в садах – песочницы и качели. Йеппе с нежностью подумал о собственной вилле в Вальбю – они с бывшей женой наконец-то ее продали. Теперь у кустов сирени, сарая и недостроенной террасы другие хозяева. Он по всему этому не скучал.

В конце длинной подъездной дорожки гостей встречал крепкий навес для машин из темного дерева, а еще лаванда в горшках и свежерыкрашенный забор. Видимо, жившая здесь семья умела ухаживать за домом и тратила на него много времени и сил. Йеппе и Фальк пошли по плитке, очищенной от мха, к белой входной двери – мимо ухоженных клумб.

На латунной табличке под звонком выгравированы имена Беттины и Микаэля, оба с фамилией Хольте. Йеппе позвонил и отступил на шаг, чтобы стоять рядом с Фальком, когда дверь откроют. На них смотрела женщина – из-за чересчур длинной челки казалось, что ее заплаканные глаза опустились ниже. Увидев их, она непроизвольно покачала головой и заплакала. Как будто от их присутствия нереальная ситуация стала более реальной, а вместе с тем и более болезненной.

– Добрый день, мы из отдела по расследованию преступлений против личности. Мы хотели бы поговорить с Микаэлем...

Женщина развернулась и стала уходить от открытой двери, но успела сделать всего пару шагов, прежде чем осознала, что этот поступок может показаться невежливым. Она снова повернулась к ним.

– Извините. Заходите, я сестра Микаэля. Рикке. Обычно в этом доме снимают обувь, но... вытрите хорошенько ноги, чтобы не оставлять следов. Беттина...

Она умолкла, обессиленно посмотрела на чисто вымытый деревянный пол и пошла дальше, в кухню, соединенную с гостиной, – помещение занимало большую часть первого этажа дома. Стены белые, почти совсем голые, на подоконниках – никаких безделушек, повсюду очень чисто. Судя по первому впечатлению, дом удобный, но не очень-то уютный.

Мужчина, который сидел склонившись над кухонным островом, казался прямым продолжением своего дома. Подернутые сединой каштановые волосы аккуратно причесаны, щеки гладко выбриты, а на груди белой рубашки – аккуратный автомобильный логотип.

– Микаэль, полиция пришла.

Микаэль Хольте поднял глаза и лишился доли своей аккуратности. Глаза с тяжелыми веками сидели глубоко, под ними залегли темные круги, но не скажешь, что они вызваны бессонницей или растерянностью или что он всегда так

выглядит. Он встал – фигура у него отличная.

Несмотря на несчастные глаза, Микаэль Хольте оказался симпатичным мужчиной пятидесяти с небольшим лет. Симпатичнее, безжалостно подумал Йеппе, чем его погибшая жена – того же возраста.

– Руководитель следственной группы Йеппе Кернер. А это следователь Фальк. Сожалею о том, что случилось с вашей женой. Знайте, что мы прекрасно понимаем: это последнее, что вам сейчас требуется. Просто мы обязаны задать вам несколько вопросов.

Микаэль Хольте понимающе кивнул и указал на белый диван.

– Давайте посидим в гостиной. Рикке, принесешь нам что-нибудь?

Он вопросительно посмотрел на Йеппе.

– Если можно, воды, пожалуйста.

Микаэль Хольте осторожно поправил отглаженные брюки, согнул колени и сел на диван выпрямившись – ему как будто даже неприятно сидеть на мягком. Рикке принесла кувшин и стаканы и села рядом с братом. Он инстинктивно чуточку отодвинулся от нее. Не настолько далеко, чтобы она это заметила – зато заметил Йеппе.

– Беттина пропала вчера. Расскажите, где, когда и кто видел ее в последний раз.

Прежде чем ответить, Микаэль Хольте сделал глубокий вдох.

– Беттина ходит танцевать каждое воскресенье в четыре часа. В школу танцев неподалеку от Хусум-торв. Джазовый танец, она такое любит. Вчера она ушла в половине четвертого пешком, как обычно, с зонтиком и спортивной одеждой. Потом она всегда пьет кофе с остальными. Я разговаривал с учителем танцев – он сказал, что Беттина была в хорошем настроении, когда попрощалась и ушла домой. С тех пор ее никто не видел. До того...

Он опустил глаза в пол. Подождав, Йеппе заговорил:

– Во сколько она со всеми попрощалась? Вы знаете?

– Думаю, где-то после шести. Я стал волноваться, когда она не пришла домой к ужину. Она не брала трубку, а те, кто ходит с ней на занятия, ничего не знали. В девять часов я позвонил в полицию. Думаешь ведь всегда о худшем.

Йеппе видел, что Микаэль Хольте осознал: случилось самое худшее.

– Ваша жена работала в больнице в районе Херлев, верно?

– Верно. В родильном отделении. Она занималась с будущими соцработниками. Работа Беттины всегда была каким-то образом связана с детьми.

– И она любила свою работу?

Микаэль Хольте мотнул головой из стороны в сторону, что не означало ни да ни нет.

– Наверно, не самая интересная из всех, что были у Беттины. Она много где работала, но ей хотелось чего-то не слишком утомительного. Предыдущая работа буквально выпила

из нее все соки.

– Она ладила с коллегами? С начальством?

– Конечно. С этим никаких проблем не было. – Он выпил воды. – Моя жена – женщина решительная и не боится высказывать свое мнение, но она замечательный специалист. И все знают, какая у нее позиция.

Такие качества не обязательно приносят популярность, подумал Йеппе.

– Значит, у нее не было врагов как таковых? Она ни с кем не ругалась? Со старой подругой? Бывшим возлюбленным?

Микаэль Хольте пристально на него посмотрел.

– Мы с Беттиной вместе со школы. Никаких бывших возлюбленных у нее нет.

Йеппе слегка кивнул.

– Я спрашиваю, потому что у преступления... есть обстоятельства, которые говорят о том, что преступник действовал исходя из эмоций.

Сестра закрыла лицо руками и начала всхлипывать. Во взгляде брата было нечто похожее на раздражение.

– Ты не поднимешься в кабинет – свяжешься с похоронным бюро, о котором мы говорили? Будь так добра.

Растерянного посмотрев на него из-под тяжелой челки, она встала и торопливо вышла – на ногах у нее были только носки.

– В подобной ситуации плохо быть одному, – Йеппе понимающе улыбнулся, – даже если с окружающими бывает тя-

жело...

Его осадил усталый взгляд Микаэля Хольте.

Йеппе откашлялся.

– Какие еще у Беттины были увлечения? Кроме танцев.

– Увлечения? – Вид у него был растерянный. – Она любила работать в саду...

Он умолк.

– Сколько вы были женаты?

На стеклянном столике завибрировал телефон Микаэля Хольте, и он, бросив взгляд на экран, сбросил вызов.

– Мы с Беттиной были женаты двадцать семь лет и воспитали двух детей – они уже давно вылетели из гнезда. – Он заговорил тише, как будто хотел сообщить что-то личное. – Эмоции первой любви утихли, и у нас были трудности, как у всех, но мы решили справиться с ними вместе. Мы отличная команда.

– Другими словами, вы понятия не имеете, у кого мог быть мотив убить вашу жену?

– Моя жена... – Он сглотнул. – Мне даже в страшном сне не приснится, что это мог сделать кто-то, кроме какого-то ненормального. Психопата, которого надо держать взаперти.

Йеппе не стал это комментировать. Если верить близким, преступник – это всегда *незнакомый психопат*, несмотря на то, что, как правило, им оказывается кто-то из ближайших родственников.

– Где вы были вчера в четыре часа?

Последовала пауза, совсем короткая, затем он ответил:

– Здесь. Я немножко поработал, приготовил ужин, ждал Беттину.

– Кто-нибудь может это подтвердить? Мы обязаны спросить – надеюсь, вы понимаете.

Он помотал головой.

– К сожалению, нет.

– Ладно. Раз мы расследуем такое серьезное дело, мы вынуждены осмотреть вещи Беттины. Мы постараемся поскорее прислать группу криминалистов – кое-что они заберут на экспертизу.

Микаэль Хольте нерешительно кивнул. Йеппе не сказал ему, что в первую очередь криминалисты будут искать следы крови. Он бросил взгляд на старые часы «Омега» – наследство от отца, висевшее на правом запястье, исправно показывало время, запаздывая на минуту в сутки. Было 14:30.

– Еще мы хотели бы забрать компьютер вашей жены, если не возражаете, и попросить у вас ее номер телефона, адрес электронной почты и все известные вам пин-коды. А еще я попрошу вас составить список всех друзей, коллег, начальников и родственников вашей жены с контактной информацией. Я оставляю вам адрес электронной почты Фалька – пришлите туда. Лучше побыстрее.

Фальк стал медленно рыться в карманах, ища шариковую ручку, и Йеппе вдруг подумал: именно те качества Анетты, по которым он теперь скучал, обычно его больше всего бе-

сили. Именно сейчас он был совсем не против активности и предприимчивости напарницы, хоть порой они и были невыносимы.

Микаэль Хольте встал.

– Я сейчас принесу ноутбук. Он наверху.

Он вышел из кухни. Йеппе услышал, как он сказал пару слов сестре. Сердито. Через мгновение он уже был в гостиной, держа под мышкой серебристый ноутбук.

– Спасибо. Пока мы оставим вас в покое. Наверняка вам нужно уладить кучу дел. Мы с вами свяжемся, как только что-то выяснится. И вы тоже звоните, если вдруг вспомните что-то, что покажется важным.

В коридоре Йеппе вдруг сообразил, что Фальк с ним нет. Вернувшись на шаг, он увидел, что тот спокойно сидит на диване и играет с колпачком шариковой ручки.

– Фальк, идешь?

– Да-да, уже иду.

Фальк с трудом встал с дивана, как будто круглый живот тянул его к подушкам. Следовательно не обязательно быть похожим на триатлета, но умение встать, когда уже допросил свидетелей или родственников, – это преимущество.

Когда они проходили мимо Микаэля Хольте, стоявшего в дверях, Йеппе, несмотря на навязчивый аромат одеколона, уловил запах пота – резкий запах паники, не вязавшийся с опрятным мужчиной. Крепко пожимая ему руку, Йеппе подумал, что Микаэль Хольте, возможно, пытается скрыть не

только запах пота.

* * *

В небольшой комнате отдыха за кабинетом старшей медсестры звякали чашки и раздавался хриплый смех. Етте – крупные плечи и шапочка в виде клубнички – праздновала день рождения и угощала пирогом и кофе в отделении 3144 кардиологической клиники. Наверное, с корицей или с глазурью – такие любят больше всего.

Трине Бремен было неприятно туда идти. Едва она переступила порог, смех стих, как будто остальные медсестры догадались, что она идет. Она чувствовала, как вспыхнуло лицо – признак стыда. Она уже давно перестала здороваться, а теперь вообще промолчала – просто подошла к шкафу за стаканом. Она отвернулась от коллег и быстро наполнила его, считая секунды. За спиной вновь возобновилась беседа, но натянутая – о погоде и пробках. Она прекрасно знала, что в ее отсутствие про нее говорят. А еще она знала, что поползли слухи; выдумывать всякие истории начала Етте. Потому что завидует ее способностям и молодости, с чего бы еще?

Трина закрыла кран и вышла из комнаты отдыха с поднятой головой. Они не увидят, что она повесила нос, – ни сейчас, ни когда-либо потом. Она торопливо пошла по коридору со стаканом.

На что она рассчитывала? Что ее вдруг угостят кофе и

будут слушать с вежливым интересом?

Это место не отличалось от школы, центра досуга или колледжа. Всегда один и тот же механизм. Начиналось все, как правило, хорошо: доброжелательность и открытые лица. Но постепенно взгляды тускнели – сомнение, отстраненность и в конце концов презрение. Чем больше она говорила и пыталась найти сторонников, тем больше отталкивала от себя людей. Как будто от ее усердия и воодушевления становилось только хуже.

Трине нашла стул в пустой палате и села – вода выплеснулась на ботинки из белой кожи. Глядя на растекшуюся у ног лужицу, она вытерла глаза свободной рукой. Плакать бессмысленно. Раз за разом она встречала одинаковое сопротивление и прекрасно знала причину.

Диагноз. *Эмоционально неустойчивое расстройство личности*. Какой смысл быть талантливым и способным, если окружающие видят лишь отличия и изъяны?

Слава богу, есть Клаус! Они познакомились в тот вечер, когда она со своей группой пришла в ирландский паб – стояла у стойки и чувствовала себя дурой. Клаус оказался рядом. Он был на несколько лет старше, лысый и полноватый, но не обратил внимания на ее неловкость и полюбил прятавшуюся за ней чувствительную и усердную девушку. Он не обращал внимания и на ее особенности или разговорчивость – казалось даже, что Клаусу нравится, что ему самому не надо много говорить. Терпел ее перепады настроения. Вскоре они

стали парой, и Трина довольно быстро дала ему понять, что хочет выйти замуж и родить детей.

Через месяц они поженились. Не пышная свадьба принцессы, как мечтала Трина, зато раньше, чем у всех ее одногруппниц.

– Ты не зайдешь в палату 16?

Подняв голову, Трина увидела добрые карие глаза Дюринга. Пожилой доктор, всегда бодрый и обаятельный – и с пациентами, и с коллегами. Создавал доброжелательную атмосферу, даже когда было много тяжелых больных или не хватало персонала. В целом врачи были выше сплетен и пересудов медсестер – по крайней мере, делали вид, что не замечают их. Для них важнее был профессионализм, а не то, выкрашены ли у сотрудника пряди волос в розовый, или хочется ли ему слушать дурацкие байки коллег, вернувшихся из отпуска.

– Конечно иду.

Трине поставила стакан, встала и пошла за заведующим отделением.

– У меня не перерыв, мне просто надо посидеть и дать ногам отдых. Смена была тяжелая. Не знаю, может, что-то в воду подмешали или с людьми что-то случилось, но пациенты сегодня какие-то тревожные...

Заведующий отделением кивнул и первым вошел в палату к пациентке с расслоением аорты, которую госпитализировали накануне, чтобы понаблюдать. Она была крепкая, с

короткой стрижкой и не очень старая, где-то лет шестьдесят пять, однако она, казалось, злилась из-за того, что ей приходится лежать тут и ждать.

– Вибекке сегодня сделают компьютерную томографию, если в графике найдется место. Мы проверим, стабильно расслоение или усугубляется. А еще мы записали вас на электрокардиограмму – проверим работу сердца. – Заведующий отделением положил руку на плечо пациентке и дружески потрепал. – Верно, Вибекка?

Она сдержанно кивнула в ответ.

Врач сделал вид, что не замечает ее враждебности.

– Вы ведь жалуетесь на онемение рук и ног. На боли в груди. Верно?

– Я не привыкла так долго лежать – наверно, поэтому мне нехорошо.

Дюринг тепло улыбнулся.

– Начнем с того, что если бы вам не было плохо, то вы бы тут и не лежали. А вам нужен покой, пока мы не будем знать степень расслоения и есть ли опасность разрыва аорты. Мы не можем такого допустить.

– Вот бы у меня была своя палата. – Она укоризненно посмотрела на пациентку с соседней кровати. – Я видела, в конце коридора есть свободная. Зачем всю жизнь платить налоги, если во время болезни не получишь нормального ухода?

Трина закатила глаза. Неправда, что есть свободные кровати. На самом деле в отделении не хватает мест – а еще пер-

сонала и оборудования.

Врач говорил как ни в чем не бывало:

– Мы быстро поставим вас на ноги и отправим домой. Для начала я попрошу Трину не давать вам кроверазжижающий препарат, пока мы не поймем, нужно вам делать операцию или нет.

Он повернулся к ней.

– Возобновим 75 миллиграмм ацетилсалициловой кислоты, как только ей поставят стент. При необходимости будем вводить 20 миллиграмм морфина в качестве обезболивающего; не забывайте аккуратно записывать количество, чтобы как можно скорее вернуться к фиксированной дозе.

Дюринг потрепал Трину по руке и вышел из палаты. Она стала проверять карту пациента и пакеты с лекарствами, чтобы избежать передозировки. Не то чтобы у нее возникло искушение резко увеличить дозу ацетилсалициловой кислоты именно этой пациентке, чтобы она поняла, каково это, когда тебе на самом деле плохо.

Трине записала препарат в карту и привычным движением подготовила катетер. Повесила капельницу и проверила сердечные показатели, пульс и давление. Она трудилась эффективно, вела себя профессионально, спасала жизни.

– Можно попросить попить или нужно самой куда-то идти?

Трина замерла, глядя на пациентку, – та смотрела с обидой. Снова это ощущение. Будто внутри что-то разбилось –

возникло чувство, что она ничтожество, словно муравей, которого давит резиновый сапог.

* * *

У длинной лестницы, ведущей к двери церкви Святого Илии, две липы. Под ними можно посидеть и понаблюдать за площадью Вестербро-торв – вдали от транспорта и спрятавшись ото всех.

Мария Бирк сидела здесь часто. Ей нравилось смотреть на бесстрашных мотоциклистов, несущихся на красный свет, и школьников в желтых защитных жилетах, держащих друг друга за руки. На лестнице она могла посидеть спокойно и решить, насколько хочет включаться в то, что происходит вокруг.

Сегодня – несильно.

Она достала из кармана печенье и закуталась в куртку. Она была великовата и тонковата для этого времени года, на локтях протерлась ткань. Но Марию это не волновало. В младших классах зимой она так долго ходила в школу в шлепанцах, что дети постарше стали обзывать ее Шлепкой. Мама пыталась заставить ее надеть сапоги, но Мария отказывалась. В конце концов однажды ее отправили домой с запиской. Она по-прежнему почти никогда не мерзла. Даже когда летом спала ночью в Королевском саду, или когда рылась в мусорных баках за большим супермаркетом на Вестерброга-

де, или сейчас, под липами на лестнице.

Печенье сухое, с каким-то овощем, но ей было плевать на вкус, если то, что она ест, полезно. Когда-то она любила жирную пищу и сладости. Мама прятала печенье в шкаф, где хранила швабру и тряпку, чтобы она не съела все сразу. Она гладила ее пухлые щеки и посмеивалась над ее аппетитом всякий раз, когда Мария намазывала нутеллой очередную булочку.

Они были обыкновенной семьей. Только папы у нее не было, но мама изо всех сил старалась это сгладить и сделать вид, что это обычное дело.

Донор.

Мария говорила в детском саду, что ее отец – робот, у него важная работа в далекой галактике, поэтому он не может жить дома. У них никогда не возникало ощущения, что его не хватает, – позже она осознала, что его все же чуточку не хватает. Они с мамой ездили на каникулы одни, праздновали Пасху с бабушкой и дедушкой, а Мария вступила в отряд скаутов. То время она вспоминала с теплотой.

Когда все изменилось?

Наверное, в то Рождество, когда мама забыла купить продукты и в канун праздника они ели куриную печенку в сливочном соусе. Мама то пыталась разрядить обстановку, подшучивая и смеясь, то злилась от того, что Мария сидит вся надутая. Теперь с этим ничего не поделаешь. Комок в горле – она едва могла сглотнуть. Даже теперь, столько лет спустя.

Она выплюнула сухое печенье за перила и вытерла губы рукавом. Однажды они пришли домой – наверное, из магазина или с продленки, – и мама просто легла на пол в прихожей, не сняв верхнюю одежду. Мария до сих пор помнила, как чувствовала шей ткань толстовки с капюшоном в том месте, где собирается пот, пока смотрела на мать. Ее снова уволили с работы или возникли проблемы с возлюбленным? Мария не знала.

После того самого Рождества она начала аккуратно рвать бумажные полотенца и туалетную бумагу вдоль перфорированной линии – так, чтобы бумага не разорвалась, а с мамой не случилось ничего плохого. «Прекрати истерику!» – говорила ей мама. Но что противопоставить мыслям в голове и тревоге, поселившейся в теле? Когда мама лежала под одеялом в гостиной, обездвиженная несчастьем, и сеяла вокруг бледность. Когда не могла ее утешить.

Марии было девять, когда мама в первый раз прошла обследование. В том же году ее положили в психиатрическую лечебницу, и теперь Мария все чаще ночевала у бабушки. После этого привычная жизнь стала тихо рушиться. Ее друзья по играм перестали играть у нее, мама казалась им странной. Со временем она и сама перестала бывать дома – нашла на улице друзей постарше и пропадала допоздна. Приходя домой, накрывала маму одеялом, а потом шла спать. Пока в один вечер мамы там уже не оказалось.

Одиннадцатилетняя, я собирала вещи в коробку и чемо-

дан, а женищина из муниципалитета за мной наблюдала. Мою морскую свинку взять было нельзя – в интернате ей не было места.

Скорая с мигалкой проехала по Вестерброгаде, и от воя сирены у нее подрагивала диафрагма – еще долго после того, как звук стих.

Она столько раз рассказывала эту историю – соэработникам и другим взрослым с широко распахнутыми глазами и влажными ладонями, – что уже не знала, сколько там правды. Она не врала – много просто уже не могла вспомнить. Детали потерялись в процессе вытеснения – все единогласно решили, что так и надо. Факт в том, что она стала бродяжничать. Ей встречалось немало взрослых, которые пытались помочь с 9:00 до 17:00, но она никогда не подпускала их близко.

Площадь вот-вот окутает темнота. Когда живешь на улице, учишься по-настоящему ценить мягкий летний свет и ненавидеть долгие осенние ночи. Но ей было где поспать ночью, была постель и крыша над головой. Ее беспокоило не это.

А женщина в фонтане.

* * *

В пять часов вечера Йеппе сломался. В целом день прошел приемлемо, но после обеда не заснуть было почти невоз-

можно. Надо наоборот, дорогой организм, спи ночью, думал он, мечтая о чем-то покрепче, чем кофе. Но Йеппе с этим завязал. Он пошел в туалет и опустил голову под кран – холодная вода текла по волосам, пока уши не онемели. Вытерся жестким бумажным полотенцем, не смотрясь в зеркало, и вышел в переговорку. Фальк сидел с кружкой кофе и ноутбуком – с виду казалось, он не работал.

Йеппе распечатал фотографию Беттины Хольте и прикрепил магнитом на белую доску. Раздался металлический скрежет – доска рухнула на ногу Йеппе. Он попытался ее поднять и снова закрепить на опоре, но обнаружил, что не хватает гайки. Как будто здание и без того само не разваливается. После того как основная часть отдела по расследованию преступлений против личности переехала в новые здания в Тегльхольмене, старое словно начало рушиться на головы оставшихся следователей. Сыпались хлопья штукатурки, под ногами проваливался линолеумный пол с влажными пятнами. Постепенно стало казаться, что, работая здесь, они удерживают на плаву «Титаник» с помощью упаковки воздушных шариков и жвачки. Кроме того, подобными вещами всегда занималась Анетта.

Фальк развалился со своим кофе и наблюдал за его битвой с доской, даже не собираясь встать. Вот и разница между напарниками.

Когда доска кое-как встала, Йеппе маркером написал рядом с фотографией важнейшую информацию о жертве и

убийстве.

– Дома криминалисты ничего не нашли. Ни крови, ни чего-то похожего на орудие убийства. Если ее и убил муж, то в другом месте. – Йеппе посмотрел на вяло бормотавшего Фалька. – Он вполне мог связать ее и положить в багажник машины. Увезти куда-то. Может, у него есть гараж, ну или помещение в яхт-клубе?

– Да, есть такая вероятность.

Фальк отпил кофе и незаметно вытер бороду рукавом.

– Может, ты это выяснишь?

Йеппе написал на доске «гараж?» большими буквами.

– У нас есть муж без алиби. Ларсен говорит, что, по словам соседей, супруги часто ссорились, в последние годы все больше.

– Кто не ссорится после двадцати семи лет брака? Это не обязательно что-то значит.

Фальк, не поднимая головы, записал что-то в блокнот.

Йеппе снова повернулся к доске и стал рассматривать фотографию Беттины Хольте. *Решительная женщина*, как говорил о ней муж. Она работала в родильном отделении больницы Херлева. Как можно нажить там врагов?

Фальк задумчиво прокашлялся.

– Ты знал, что у песчаных акул эмбрионы поедают друг друга в утробе матери, пока их не остается всего двое?

Он писал аккуратным почерком, как будто работал над мемуарами и мог писать их до конца жизни.

Йеппе вышел из переговорки, не поддавшись желанию хлопнуть дверью.

В его непривычно чистом кабинете письменный стол на двоих освободился от пакетиков из-под чипсов и кружек с кофе. Здесь царили тишина и порядок. Йеппе плюхнулся на офисный стул и позвонил Клаусену из Национального центра криминалистики.

– Кернер! Как раз собирался тебе набрать!

– Вы узнали, что там был за велосипед?

– Еще нет. Но у меня, кажется, появилась мысль насчет орудия убийства.

Йеппе выпрямился.

– Ну-ка!

– Не подумай, я не разбалтываю семье о текущих делах...

Казалось, рассказывает Клаус как-то боязливо.

– Разумеется, нет.

– Конечно. Но сегодня я обедал со старшей дочерью – может, ты ее помнишь, она хирург-ортопед – и упомянул те надрезы на запястьях жертвы. Чисто гипотетически, конечно.

– Конечно.

Йеппе откинулся на спинку стула.

– Моя дочь говорит, рисунок какой-то знакомый, просто не может понять, откуда он, и предложила позвонить ее подруге – она в Медицинском музее работает. Моника Кирк-сков. Она специалист по старинным медицинским инстру-

ментам.

– Ну ладно...

– Я пришлю тебе ее номер, хорошо? Еще поговорим.

Клаусен положил трубку, а Йеппе так и сидел с телефоном, глядя на его темный экран. Когда он еще был женат на Терезе, он сидел за обеденным столом на вилле в Вальбю и делился с ней, рассказывая о ходе расследования, хотя вообще-то это запрещено. Теперь она делит жизненные трудности с новым мужем, а на вилле живет молодая пара, выкрасившая фасад в желтый. Вещи Йеппе запаковали в коробки – через две недели его ждет новая квартира в Нюхавне. Жизнь шла дальше. Пока не остановилась.

Поток мыслей Йеппе прервал засветившийся мобильный телефон – визитка от Клаусена.

Моника Кирксков.

Некогда ворошить прошлое, жизнь продолжается. Йеппе набрал номер.

* * *

Навязчивый писк микроволновки сообщил, что ужин готов. Одна порция цыпленка тикка-масала, доставленная онлайн-супермаркетом и разогретая, – и можно подавать на простой эксклюзивной посуде психиатра Петера Деманта. Еда, наверно, жирновата, но сегодня ему нужно то, что можно есть из глубокой тарелки.

Он налил себе большой стакан молока и понес еду к журнальному столику, откуда открывался вид на черную воду вокруг Хольмена. Современная аудиосистема играла Шопена, и профессиональная литература, стоящая на встроенных полках, отражала звук с успокаивающим отзвуком опыта и мудрости. Голые пальцы ног утопали в длинном ворсе ковра, а довершало картину сочетание ледяного молока и пряной курицы. Постепенно он расслабился и почувствовал, что тело обрело покой.

Петер вымотался. Последние три недели он, помимо того, что посвятил множество часов собственной практике и консультациям, трудился над лекцией – на следующей неделе его пригласили в Амстердам. Ведущий мировой конгресс по психиатрии, его позвали в качестве *key note speaker*⁶. Прекрасная возможность представить свои теории о новых медикаментозных методах лечения самоповреждающего поведения. Ему нужны надежные, задокументированные результаты исследований, а такие исследования стоят денег. Конгресс – шанс быть увиденным и услышанным нужными людьми, возможность приобрести входной билет в международную суперлигу ученых. Кроме того, его доклад напечатается в виде статьи в престижном медицинском журнале – *The British Journal of Psychiatry*. Еще одно перо на шляпе. Но над этим текстом он тоже много трудился.

Правда в том, что он всю жизнь много трудился.

---

⁶ Основной докладчик (*англ.*).

Одним людям все достается легко: апельсины падают с деревьев им в тюрбаны, а новые возможности открываются перед ними каждый день. У Петера было не так. В школе он не был ни самым умным, ни самым высоким, ни самым симпатичным; он не блистал ни в спорте, ни на сцене. Девочки быстро переросли его на целую голову и никогда не смотрели вниз. Но у Петера было одно качество, благодаря которому учеба в школе и университете увенчалась успехом. Он много и упорно трудился – никогда не падал духом. Сопротивление было своего рода топливом, благодаря которому он лишь прикладывал больше усилий. А теперь его труды стали приносить результат.

Он поскреб тарелку – звук вышел зубодробительный – и пожалел, что не купил шоколадку. Ему требовалось утешение, которое могут подарить только сладости. С самого раннего детства Петер делил дни на три категории, исходя из настроения, и не бросил эту привычку даже после в общей сложности восьми лет учебы в медицинском, ординатуры, специализации в психиатрии и получения ученой степени.

Сегодня, ясное дело, тройка: серость и дурные мысли, не подчинившиеся, когда он их прогонял.

Интернет-издания подробно описали, как ее нашли голой и искалеченной – именно последнее слово употребляли чаще всего – в фонтане на Гаммельторв. Фотографий пока не было, но Петеру они были не нужны – он и так помнил ее широкие скулы, дряблую кожу на руках, ее мокрый, жадный

рот. От этой мысли у него внутри все скрутило. У него не было ни малейшего желания воскрешать все это в памяти.

Он отнес посуду на кухню, где в стальных и черных глянце-
вых поверхностях отражались его редеющие волосы и пот-
ный лоб. Он рано поел и мог еще пару часов поработать. Или
сначала в ванную?

Он прошел в гардеробную, где уже лежал раскрытый че-
модан, ожидая, когда его соберут к поездке в Амстердам.
Разделся и бросил одежду в корзины для грязного белья –
темное отдельно, светлое отдельно, – после чего ступил на
подогреваемую плитку ванной комнаты. По телу лилась теп-
лая вода, пенилось мыло. Петер подставил лицо струям и за-
ставил себя расслабиться.

Глава 4

Осенью Копенгаген особенный. Отсутствие света, нехватка воздуха. Город отказывается обращать внимание на погоду, как будто ему слишком больно смириться с тем, что лето прошло. Порой низкое давление и безнадега уступали место погожему дню – чистому небу и расцвеченным кронам деревьев. Но не сегодня.

Йеппе смотрел на темные деревья Цитадели и поднял воротник, прячась от дождя. Обход домов вокруг Гаммельто-рв ничего не дал, а неработающая камера на Тегльгордстред-е лишила их возможности отследить, откуда приехал преступник. Однако криминалисты были вполне уверены в том, что грузовой велосипед наверняка новый, возможно, брен-дов Winther, Bullitt или Acrobat. Это не разглядеть на видео-записях – нечетких из-за дождя, – а пока его коллеги изуча-ли продажи этих брендов за последние три года. Вполне воз-можно, велосипед старый, Йеппе особо ни на что не надеял-ся. Предполагаемое место преступления он поместил в ра-диусе нескольких километров от того места, где нашли труп. На грузовом велосипеде далеко не ездят. Особенно с трупом.

В кармане завибрировал телефон – ровно в тот момент, когда Йеппе зашагал по Бредгаде. Он бросил взгляд на экран, спрятался под маркизой отеля и, удивленный, снял трубку.

– Вернер, что за дела? Я думал, ты в подгузниках погрязла. Разве не так обычно бывает, когда рождается младенец?

Она сухо хохотнула.

– Спроси кого-нибудь еще. Я просто так устала, что не отличаю ведро для подгузников от Свенна. – В трубке послышалось чавканье и ворчание. – Она как раз ест. Я же ведь теперь как молокозавод.

– Очень мило.

– Ну да. Ты занят?

Йеппе посмотрел на часы. Восемь пятнадцать. Музей давно закрылся, но подруга дочери Клаусена, Моника Кирксов, работает допоздна и обещала, что дождется его. Ей всё равно надо доделать выставку.

– Есть такое. Что-то случилось? – На другом конце стало тихо. – Эй, Анетта, у тебя все нормально?

– Да-да. – Она откашлялась. – Просто мне скучно.

– А, вот как, ну можно ведь телевизор включить или кроссворды поразгадывать?

– Труп в фонтане. – Она оживилась. – Расскажи про него!

Йеппе колебался.

– Смеешься, что ли? Ты в декрете! Хочешь быть в курсе событий – читай газеты. Займись... дочерью. Скоро вы ей имя придумаете?

– Да-да, мы хотим сначала узнать ее получше. – Анетта охнула. – Она кусается. Ну расскажи! Кто та женщина в фонтане? От чего она умерла?

– Зачем тебе это знать?

– Ну же! – Она заговорила серьезно. – Ну давай, Йеппе!

– Анетта Вернер, я никогда не научусь тебя понимать.

Йеппе зашагал по тротуару, прикрывая телефон от дождя другой рукой.

– Жертву звали Беттина Хольте, она была соцработником. Преступник надрезал ее артерии в нескольких местах по всему телу, после чего она истекла кровью.

– Садист! Подозреваемые есть?

Йеппе посмотрел на номер дома.

– Нет, пока у нас на примете никого. А теперь я пойду побеседую со взрослыми, а ты корми ребенка!

– Беттина Хольте, говоришь?

– Передашь привет Свенну? Позже поговорим!

Йеппе положил трубку и зашагал быстрее. По диагонали от золотых куполов церкви Святого Александра Невского за автобусной остановкой виднелся неприметный фасад песочного цвета – за ним и скрывается Медицинский музей. Нео-классические колонны у входа – единственная выдающаяся деталь простого, чуть ли не застенчивого фасада. Йеппе поднялся по шести ступенькам до двери, нашел звонок, и его сразу же впустили.

Внутри, в прохладных мраморных стенах, было зябко и пусто. Выкрашенные в белый цвет ступени по обеим сторонам помещения уходили вверх, в темноту; широкая лестница посередине вела в холл. Йеппе, посомневавшись, пошел

по ним. В гнетущей тишине, непоколебимой, словно стены и колонны, его шаги звучали тихо. Оказавшись в холле, он проверил телефон. Опять мама звонила. Два раза. Свет от экрана телефона блеснул в стеклянной витрине. Он подошел поближе и посветил внутрь. Желтоватая кожа, рот покойника, вытянутые пальцы и пустые глазницы.

Йеппе ахнул и отступил. Что он только что увидел?

Он осторожно осветил помещение. Его окружали витрины с мертвыми человеческими зародышами. Тела мутировавших младенцев с двумя головами и вспоротыми животами плавали в формалине, прижимая головы к стеклу, словно пытались до него добраться.

– Русалочку видели?

Йеппе вздрогнул. Голос раздался из темноты за витринами. Он посветил туда и при свете, отражающемся от гладкого мрамора, увидел, что к нему приближается чья-то фигура.

– Моя любимая. Жемчужина нашей тератологической коллекции.

Фигура встала рядом с Йеппе, взяла его за руку и направила телефон так, что свет попал на небольшую витрину в углу. За стеклом лежал зародыш младенца, чье тело суживалось, а не оканчивалось ногами.

– Тератология – наука об аномалиях. Музейная коллекция эмбрионов и младенцев с уродствами – одна из лучших в мире.

Голос мягкий, пальцы, державшие руку Йеппе, – тоже.

– Можно свет включить?

Йеппе отнял руку. По ее голосу он понял, что она отошла, а потом холл залил яркий свет.

– Все нормально, большинство людей эти дети пугают.

Женщина вернулась к нему. На ней была белая рубашка, а распущенные темно-каштановые волосы, казалось, сияют сами по себе; ноги длинные, между передними зубами – щель. Йеппе сразу подумал, что она из тех редко встречающихся людей, чья красота почти избыточна.

– Вы, наверно, Йеппе Кернер? Извините, что подшутила над вами. Ученые редко выходят в свет, и у нас так мало удовольствий.

Йеппе ответил на улыбку Моники Кирксков и ненадолго задумался о том, как несправедливо устроен мир: из-за внешности ее поступок, как по мановению волшебной палочки, стал казаться очаровательным, хотя всего секунду назад, в темноте, он вызывал тревогу.

– Спасибо, что согласились сразу со мной встретиться. Клаусен говорит, вы ведущий эксперт по медицинским инструментам.

– Клаусен очень добр. Пойдемте в аудиторию наверху.

Она пошла первой по маленькой лестнице, затем Йеппе шел за ней по узкому коридорчику до помещения с высокими потолками.

– Здание построено в 1785 году, и раньше здесь размещалась Королевская академия хирургии. В аудиториях прово-

дили вскрытия.

Йеппе огляделся. Деревянные скамейки, выставленные полукругом вокруг кафедры, тянулись до самого верха. Из центра сводчатого потолка с кессонами свисал светильник с яркими лампочками.

Он сел на краешек кафедры.

– На театр похоже.

– Точно, – одобрительно кивнула Моника Кирксов. – Пару столетий назад вскрытия были маленькими пьесами. Потолок сделан по образцу римского Пантеона.

Она села рядом с ним – пахло от нее сиренью и смятой постелью.

– Вы здесь работаете?

Он мгновенно пожалел, что задал излишний и глупый вопрос.

– Я преподаю историю науки и философию истории. То есть я преподаю, занимаюсь исследованиями и курирую выставки в музее.

– И можете просветить меня насчет орудия убийства?

Йеппе откинулся назад, чтобы достать телефон из кармана.

– Все зависит от того, что вам известно заранее. – На ее лице появилась озорная улыбка. – Но да, моя специализация – старинные медицинские инструменты.

Йеппе нашел на телефоне фотографию.

– Это запястье жертвы, порезы оставило орудие убийства.

Зрелище так себе...

– Я не испугаюсь.

Она наклонилась вперед и стала рассматривать фотографию руки Беттины Хольте. Затем встала и вышла из аудитории. Йеппе было слышно, как она открывает ящики в соседнем помещении. Через минуту она вернулась с каким-то предметом. Она держала его на раскрытой ладони, словно драгоценность.

Йеппе нахмурился. В руках у Моники Кирксков была маленькая латунная коробочка размером с кубик Рубика.

– И что это?

– Скарификатор. Конкретно этот собрание музея получило от моей бабушки по материнской линии, она выросла в Веннсюсселе и унаследовала его от своей бабушки по материнской линии. Это уже середина XIX века. – Она поставила коробочку на стол. – Прежде чем попасть в собрание музея, он служил мне как пресс-папье.

– А как им пользовалась бабушка вашей бабушки?

Йеппе потянулся за коробочкой.

– Стойте! Да, извините, но вы можете нечаянно его запустить, если нажмете не туда.

Йеппе убрал руку.

– Запустить? Скажите, что это за штуковина?

– Как я уже сказала, скарификатор. Давайте покажу.

Моника Кирксков осторожно взяла коробочку и нажала на кнопочку сбоку.

Дзынь!

Кристально чистый звук не оставлял сомнений: так выпрыгивает нож. Точнее говоря, ножи. Из коробочки торчало двенадцать маленьких лезвий. Они засверкали на ярком свете – блестящие и острые.

– Думаете, это и есть наше орудие убийства? Эти ножички даже краску на машине не обдерут.

– Конечно, об этом судить вам, но перфорированная артерия есть перфорированная артерия. – Она повернула ручку на верхушке коробочки, и ножички вернулись на место. – Как известно, не размер...

– Для чего он нужен? – перебил Йеппе.

Она села на кафедру рядом с ним и осторожно поставила механизм подальше.

– Это старинный медицинский инструмент. Скарификатор использовали при кровопускании, когда врачебная наука рассматривала болезнь как нарушение баланса, которое можно устранить. Вплоть до XX столетия люди соглашались на кровопускания – с помощью не только скарификаторов, но и, например, чаш, которые ставили на кожу, или толстых игл. Ходили к парикмахерам и пускали кровь, когда надо было побриться или постричься.

Она откинулась назад, опираясь на руки, – грудь натянула ткань рубашки.

Йеппе чуточку отодвинулся.

– Значит, изначально он предназначен не для того, чтобы

ранить или убить?

– Точно нет. Убить скарификатором – то же самое, что играть Бетховена на флейте Пана. – Она продемонстрировала соблазнительную щель между передними зубами. – Им пользовались для того, чтобы очистить тело и вернуть баланс.

– Каким образом?

Она убрала волосы за плечи и стала объяснять:

– За один раз выпускают небольшое количество крови, например, десятую часть литра, и таким образом поддерживают в организме баланс. Считалось, что кровопускание выводит дурные соки. При серьезном заболевании могли выпустить значительное количество крови. Иногда кровотечение не останавливали, пока пациент не падал в обморок.

Она скрестила ноги. В воздухе повисло напряжение.

Йеппе вдруг перестал понимать, куда ему смотреть. Обстановку разрядил зазвонивший у него в кармане телефон.

– Извините, надо ответить. – Он встал и протянул ей свою визитку. – Позвоните мне, если вам придет в голову что-то, что может оказаться полезным. Спасибо, что уделили время, я сам найду выход.

Она улыбнулась.

– Не за что. Удачи в расследовании.

Йеппе бегом спустился по лестнице – ее глаза буравили его затылок, надрывался телефон. У двери он сбросил вызов и вышел на Бредгаде.

Мама. Опять.

Эстер де Лауренти убиралась, съев лишь половину ужина, и с удовольствием куталась в волшебную паутину, которую плела вокруг нее Мария Каллас, – Эстер даже не услышала, что в дверь позвонили.

*Mi chiamano Mimì, il perché non so. Sola, mi fo, il pranzo da me stessa.*⁷

Так красиво, так ужасно грустно, ведь впереди болезнь и смерть. В дверь снова позвонили. Она убрала иглу проигрывателя с пластинки и пошла к входной двери, возле которой уже лаяли собаки. Прежде чем открыть, она пригладила короткие, окрашенные хной волосы.

На лестничной площадке вполоборота к ней стоял мужчина – раньше Эстер его не видела. Услышав, что дверь открылась, он повернулся и удивленно на нее уставился, будто ожидал увидеть кого-то другого. Высокий, светло-зеленые глаза, глубокие ямочки на щеках, сильный подбородок, широкие плечи. Она непроизвольно засмеялась от восторга, но потом взяла себя в руки.

– Да? Вам чем-нибудь помочь?

Мужчина не ответил – просто стоял, улыбаясь.

Она отметила, что у него короткие седые волосы и что

---

⁷ «Меня зовут Мими... А почему? Не знаю! Живу я здесь спокойно, одиноко...» (ит.) Ария Мими из оперы Джакомо Пуччини «Богема».

на лестничной площадке, застеленной линолеумом, он стоит босиком. Докса и Эпистема зарычали, и она завела их внутрь, оставив дверь чуть приоткрытой.

– Совсем забыл о правилах приличия. – Голос низкий и ясный, с легким акцентом. – Я ваш новый сосед снизу. Аллен. На французский манер. – Он протянул ладонь и крепко пожал ее руку. – Да, извините, что вот так ворвался, но я распаковывал вещи и услышал музыку...

– Извините, слишком громко? Я иногда включаю.

– Можно ли слишком громко включить «Богему»? Вряд ли. Особенно когда Родольфо просит Мими рассказать о себе и признается ей в любви.

Он любит оперу. Эстер улыбнулась.

– Согласна. Пуччини много не бывает. Но обязательно говорите, если музыка будет вам мешать. И добро пожаловать в дом. Чудесное место.

– Начинаю подозревать.

Подмигнув ей, он рассмеялся; слишком широкая и открытая улыбка – ей стало неловко.

– А вам взамен придется терпеть запах моей еды. Вообще-то я пианист, но когда есть свободное время, всегда готовлю. Вот такой я повар, скажу я вам; вечно у меня то потто-фё, то стейк.

Пианист, который умеет готовить. Эстер почувствовала, как внутри – чуть ниже живота – что-то опустилось; такое же бывает на американских горках. Она осадила себя: он на-

верняка женат.

– Я недавно развелся. Без всякой драмы, но все равно в нашем возрасте нелегко переезжать в другой район.

Он ей польстил, и они оба это знали. Сколько ему может быть лет? Где-то пятьдесят пять? На десять или пятнадцать лет младше нее. Он никак не может с ней флиртовать, тут просто-напросто французский шарм.

– Не так уж легко переезжать в другой район, если долго жил на одном месте. Но вообще даже приятно попробовать что-то новое. Мы живем здесь девять месяцев, и я постоянно нахожу новые места...

Ей показалось, что по его лицу пробежала тень. Он улыбался, но глаза потухли.

– Вы замужем?

В этот момент Грегерс – одет он был в пальто и старую клетчатую кепку – открыл дверь, встал за ее спиной и удивленно на них уставился.

– У нас гости? – спросил он. – Что это за павлин?

Грегерсу было восемьдесят четыре, но вел он себя как четырехлетний ребенок. Эстер он очень нравился, и обычно она смотрела на его грубости сквозь пальцы, но именно сейчас прекрасно бы без них обошлась.

– Грегерс, это Ален, наш новый сосед снизу. Ален, это Грегерс Германсен, мой сосед по квартире, он снимает у меня комнату.

Ален протянул руку.

– Ален Якольебе, очень приятно.

Грегерс прищурился и застыл в дверях – повисла мучительная тишина. Затем он медленно кивнул.

– Мы ведь уже встречались, разве нет? Я лица не забываю.

Она знала, что это откровенное вранье. Грегерс забывал почти всех, кто ему встречался, за исключением симпатичных девушек из пекарни на Блогордгаде – видимо, они производили на него неизгладимое впечатление, когда протягивали булочки и брали деньги.

Ален смущенно засмеялся и убрал руку.

– Вряд ли. Я бы запомнил.

Грегерс что-то ей пробормотал – можно было разобрать только слово «балбес» – и пошел мимо них к лестнице.

Ален удивленно смотрел ему вслед.

– Грегерс родился грубияном, не принимайте на свой счет.

Ален пожал плечами.

– Мне все равно надо к вещам. Но рад был пообщаться... увидимся.

Он все стоял. И эти ямочки на щеках.

Эстер не знала, что сказать. Да под взглядом этих глаз она стеснялась, как школьница! Такое не подобает женщине, которой почти семьдесят.

Он взял ее руку, прежде чем она успела хоть что-то сделать. Испытывая одновременно потрясение и восторг, Эстер наблюдала, как он поднес ее ладонь ко рту и поцеловал тыль-

ную сторону – нежно и как-то даже слишком интимно. Она отдернула руку и торопливо скрылась за дверью, попрощавшись второпях. Она слышала, как он медленно спускается по лестнице, и у нее, в отличие от него, подскочил пульс.

Всего секунду назад мир был невыносим, а день никак не заканчивался, все остановилось. Теперь она бурлила, кипела.

Ален.

Какая дурочка! Чистый абсурд.

Мелкими, осторожными шагами Эсстер подошла к проигрывателю и поставила иглу в бороздку. Комнату наполнила музыка, и она закрыла глаза. Слушала.

*Si! Mi chiamano Mimì, ma il mio nome è Lucia. La storia mia è breve. A tela o a seta ricamo in casa e fuori...*⁸

Поразительное ощущение. Ощущение опасности.

---

⁸ Да, меня называют Мими, но имя мое – Лючия. Проста моя история: по шелку вышиваю... (ит.) Ария Мими из оперы Джакомо Пуччини «Богема».

Глава 5

Вряд ли можно обвинять новоиспеченных родителей в том, что они не подготовились к двум самым важным событиям жизни: рождению ребенка и смерти. Они не были полными идиотами и предвидели, что им будет особенно тяжело перестроиться, ведь они не очень молоды. Анетта Вернер, новоиспеченная мать средних лет, читала книги, как будто снова готовилась к экзамену. Ритмы сна, кормление, одноразовые салфетки против ватных дисков – все это они перепроверяли и обсуждали, доходя до абсурда. К удивлению Анетты, инициатива принадлежала ей. Возможно, потому, что она лучше всех понимала, что их жизнь в корне изменится – все-таки ребенок рос у нее в животе, – возможно, потому, что именно она больше боялась перемен. Когда двадцать пять лет счастливо живешь в браке, то готовишься к появившемуся на горизонте торнадо, чтобы он не вывернул все с корнем.

Но когда она шла по темной улице среди вилл с коляской, предназначенной для прогулок по пересеченной местности, имеющей множество преград и способной со временем превратиться в прогулочную, она осознала, что вся подготовка оказалась напрасной.

Ребенок пришел, увидел и победил. Кричал, пока они не отказывались от намерений поспать, поесть и посидеть, тер-

роризировал их своими насущными потребностями и крал их свободное время. Анетта уставала настолько сильно, что и не думала, что подобное возможно, – она даже не обращала внимания на дождь, бивший в лицо. Она передвигала ноги, настроившись катить коляску, пока дочь не перестанет плакать. Только в ближайшее время этого не случится – да и случится ли вообще.

Свенн предлагал ходить на прогулки по очереди, и Анетта знала, что он не подсчитывает, кто из них гуляет больше. А вот она подсчитывала. И сильно отставала. Она брала коляску, сжимая зубы от обиды, и уходила, переполненная противоречивыми эмоциями: безусловная любовь к ребенку и гнев взрослого человека, попавшего в, судя по всему, бесконечный цикл потери личности и скуки.

Ведь Анетте было до смерти скучно. На уровне инстинкта она стремилась защитить свое дитя – тяга была настолько сильной, что пугала ее, – но жизнь в декрете сводила ее с ума. Тот, кто считает, будто налоговые декларации и смена уплотнителя на трубе – это скучно, никогда не сидел в декрете.

Горит звезда на небе голубом... ммм-мм-mmm, поднимает хобот. Обещаю, дум-дум-дум, злые мыши, тра-ля-ля-ля, ля-ля-ля, хобот... Она подбирала слова, клала руку на животик младенца, пытаясь успокоить, и решительно катила коляску дальше. Ее дочь в ответ издала яростный вопль, достойный дьяволенка.

Анетта покачала головой. Дом семейства Хольмео излучал тепло и уют, а она, как развалина, ходит по темноте и поет переутомившемуся ребенку.

Кто ты вообще такой, если не добиваешься успеха? Или завести ребенка – это уже само по себе достижение?

Задача, с которой сталкиваешься абсолютно неподготовленным, поскольку тратишь всю жизнь на то, чтобы научиться чему-то другому, ожидая, что с этим справишься интуитивно. Тем временем ребенок чувствует полную несостоятельность и страх сделать что-то не так и, как следствие, начинает капризничать. Все сложно.

Анетта напевала, пытаясь дышать спокойно. Постепенно ее дочь перестала плакать – просто смотрела на нее огромными темно-голубыми глазами. Крохотный человечек!

Пока Анетта брела по району вилл Гревен-Странн, ее мысли перескочили на то, о чем у нее не было времени подумать: на дело. В перерывах между сменой подгузников, кормлением, укладыванием, снова сменой подгузников и стиркой белья Анетта отчаянно пыталась вспомнить, где же раньше слышала имя жертвы.

Беттина Хольте.

Когда Йеппе назвал имя, Анетта тут же поняла, что оно ей знакомо, но воспоминание потонуло в сонной каше, в которую теперь превратился ее мозг. За ужином она вкратце рассказала Свенну о трупе в фонтане, слабо надеясь, что имя припомнит он. Напрасно.

Анетта замедлила шаг и остановилась. Ну конечно! Родильное отделение в Херлеве, Бетинна там работала.

Стоп, она же встречалась с жертвой, которую бросили в фонтан! Разговаривала с ней, спрашивала совета. Наверное, это она! Седая и полная, надежная и простая, говорила она уверенно, что шло на пользу нервничающим роженицам. Голос разума. А еще она резковатая, отчасти с раздражением вспомнила Анетта. Беттина Хольте отчитала ее за нежелание воспользоваться эпидуральной анестезией – и неужели этот вопрос касается соцработника?

Почему же она оказалась в фонтане, а к тому же истекла кровью?

Анетта обнаружила, что ребенок заснул. Она с облегчением улыбнулась спящей дочери, которая теперь напоминала марципанового ангелочка в красивой упаковке, развернула коляску и побрела назад к дому. Если повезет, до очередного кормления у нее будет час у компьютера – она разузнает побольше о Беттине Хольте.

* * *

Запыхавшийся Йеппе перекатился на спину и закрыл глаза. Пусть дыхание восстановится, пока идет выброс дофамина, а удовольствие разливается по телу. В висках стучал пульс, мозг очистился от мыслей. Легкая голова и тяжелое тело. Разве нельзя с помощью качественного секса лечить от

зависимости наркоманов? Разве бывают удовольствия сильнее этого?

Где-то между эйфорией и сном он украдкой бросил взгляд на часы. Скоро ему придется уйти. Йеппе повернул голову и посмотрел на лежащую рядом женщину. Каким красивым бывает тело женщины, когда она лежит, повернувшись спиной, обнаженная, словно натянутая струна.

Йеппе осторожно провел пальцем по ее позвоночнику, от волос на затылке до копчика, и почувствовал, как у него сжимается сердце. Она уснула. Всегда такая уставшая – даже сильнее, чем он. Вот что такое иметь детей, говорила она, когда он жаловался.

Надо бы ему тихо уйти, пока он сам не заснул.

Они шли навстречу друг другу осторожно – так ступают обжегшиеся дети. Вернее говоря, двое разведенных взрослых. Сближались медленно и деликатно, постоянно переживая, что слишком навязчивы, и опасаясь новой раны. Поэтому удивление по отношению к вспыхнувшей между ними страсти только росло. Когда они впервые ей поддались, желание хлынуло, словно весенний ручей, и быстро потянуло за собой чувства. По мере того как к Йеппе возвращалась вера в любовь, у него сами собой прошли боли в спине, а тяжелый жизненный кризис, вызванный разводом, испарился – так выгорает на солнце фотография, висящая на доске.

Они решили подождать, прежде чем знакомить его с детьми как возлюбленного мамы, пока не будут уверены, что

это действительно так. Особенно потому, что дети и так знают его как мамино начальника. Естественно, тут крылась другая проблема: они вместе работают, она его подчиненная. Хотя ближайшие коллеги постепенно узнали об их отношениях, им приходилось вести себя очень осторожно. А значит, взгляды украдкой над письменным столом и свидания после того, как дети лягут спать, затем – возвращение домой по ночному городу.

Йеппе решил, что будет получать удовольствие от романтики полутайного романа, вместо того чтобы злиться. В целом ему это удавалось.

Помывшись и завернувшись в полотенце, он вернулся в спальню и поцеловал Сару, после чего осторожно закрыл за собой дверь квартиры на Бурмейстерсгаде. В Кристиансхавне выдался тихий сырой вечер – насколько тихим район вообще бывает, – и Йеппе снял замок с велосипеда, ощущая воодушевление и в то же время покой.

Цепь велосипеда гремела, пока он ехал по Индре-Бю, через мост королевы Луизы и до площади Санкт-Ханс-торв. У Йеппе замерзли пальцы, но под пальто он весь вспотел. Он остановил велосипед у велопарковки возле церкви Святого Иоанна и проверил телефон. Имейл от Ньюбо: жертва не принимала алкоголь или наркотические вещества. Из-за кровопотери это было сложно установить, теперь все стало ясно. Беттина Хольте была в сознании, пока медленно и мучительно истекала кровью.

Йеппе пересек Нёрре-алле и посмотрел на четвертый этаж. Горит свет.

Она еще не легла.

Лестница казалась бесконечной и в то же время слишком короткой, ключ чересчур громко гремел в замке. Йеппе запер входную дверь и задержал дыхание. На мгновение он подумал, что она оставила свет в коридоре для него, но потом услышал медленные шаги. Вот черт. «Ты поздно вернулся!» Слегка обвинительный тон. Она с мрачным видом запахнула халат.

– Где ты так задержался?

Стоя к ней спиной, он расстегнул пальто и повесил его на крючок, развязал шнурки и снял ботинки. Это уже невыносимо.

– Не надо было ждать. Я тебя не просил.

Он попытался говорить вежливо, однако нельзя было не заметить укоренившиеся в голосе нотки раздражения.

– Ты же знаешь, я работаю допоздна, тебе не надо меня дожидаться. Я же не ребенок.

Она наклонила голову, как провинившийся щенок.

Йеппе подошел и обнял ее.

– Мама! Прекрати!

Он крепко держал ее худые плечи. Она казалась хрупкой, в миг постаревшей.

– Все хорошо, просто мне не нравится, что приходится перед тобой отчитываться, потому что я сейчас здесь живу.

Я не злюсь, просто немного устал. Понимаешь?

Она храбро улыбнулась.

– Я за тебя переживаю. Знаешь, из головы не идет. Не случилось ли с тобой чего, все ли у тебя хорошо? Ты не берешь трубку, когда я звоню...

– Мам, я полицейский. Я не всегда могу ответить, когда ты звонишь. Ты же прекрасно это знаешь... Вид у тебя усталый.

– А я и устала, – зевая, произнесла она. – Пойду спать. Спокойной ночи, сынок.

Она поцеловала его в щеку, ушла в спальню и закрыла за собой дверь.

Йеппе сел на жесткий деревянный стул у круглого обеденного стола и подпер голову руками. Первого ноября он забрал ключи от новой квартиры и мог оставить унижительную главу жизни позади. Переезжать к матери после развода было не слишком весело, хотя временное решение оказалось удобным. Удивительно, как близко скрывалась подростковая раздражительность, хотя он уехал из дома много лет назад. Одно то, каким тоном его мать могла попросить его выжимать тряпку *вот так*, снова превращало его в запуганного мальчишку, каким он был двадцать пять лет назад.

Но он напоминал себе, что это большое подспорье – возможность пожить несколько месяцев между продажей дома и переездом в новую квартиру через пару недель. Скоро все это закончится, он сэкономил и силы, и деньги благодаря матери – она предложила ему то, что по какой-то причине звала

убежищем. К тому же бесплатно. Пока что его единственные расходы – ежемесячная плата за хранение мебели.

Йеппе открыл холодильник и достал холодное пиво. Звук, с которым открылась банка, прогнал остатки злости. Он просто-напросто избалованный козел.

На дне рюкзака нашлась пачка сигарет. Недавно он с большим удовольствием взялся за старую привычку. Пока он курит только время от времени, это не вреднее, чем дышать во время ежедневных поездок на велосипеде по Копенгагену. Он открыл окно, впуская прохладный воздух и басы ночного клуба «Ржавчина», сел на стол с банкой пива и закурил сигарету.

Церковные колокола пробили полночь – влажный вечерний воздух прорезал кристально-чистый звук. Йеппе представил Беттину Хольте, привязанную за запястья и лодыжки к койке с крепкими ножками: рот в крови, тело бьется в судорогах, в расширенных глазах – паника. Когда человек истекает кровью – процедура неприятная; под койкой постелили полиэтиленовую пленку? И куда стекала кровь? В сливное отверстие?

Койка, сливное отверстие в полу, укромное место, откуда можно незаметно вынести тело и погрузить в прицеп велосипеда. Помещение, откуда можно доехать до Гаммельторв на велосипеде.

Йеппе отогнал мысли, глотнул пива и перечитал имейл от старого друга Йоханнеса. Он писал из Чили, где пытался спа-

сти брак после, мягко говоря, непростого периода. Пока все нестабильно, писал он, но никогда не знаешь, что будет завтра.

Да уж, подумал Йеппе, швыряя окурок во двор. Никогда не знаешь, что будет завтра.

Вторник, 10 октября

Глава 6

Гевьон⁹ щелкала кнутом над зелеными спинами быков – своих сыновей. Статуя богини плодородия небольшая – лишь одна шестая статуи у фонтана Гевьон в парке Лангелиние, – а чаша довольно скромная. Небольшой фонтан Гевьон возле больницы Биспебьерга был скорее симпатичным, чем впечатляющим. Но сегодня ничего симпатичного в нем не увидишь.

В чаше перед быками плавал обнаженный труп мужчины. Судя по всему, высокого и дряблого, темные волосы, борода, на обеих руках – цветные татуировки. Тело плавало лицом вверх, благодаря чему были отлично видны раны на обоих запястьях и слева от паха. Двенадцать маленьких симметричных надрезов. В открытом рту виднелся проколотый язык, а мертвые темно-карие глаза смотрели в небо, как ртутные озера.

– Ну хоть дождя сегодня нет.

Судя по голосу, на самом деле Карлсен не считал, что это

---

⁹ Богиня плодородия в скандинавской мифологии. Мифологический конунг Гюльви предложил Гевьон взять столько земли, сколько она сможет вспахать за сутки. Богиня запрягла в плуг своих сыновей, превращенных в быков.

что-то меняет. Два зверских убийства за два дня. Такую ситуацию не сгладит прекращение осеннего дождя.

– Кто-то подает нам сигнал. Боюсь только, что это еще не все.

Йеппе протер глаза, пытаясь убрать из них песок. Не надо было вчера вечером столько курить – наверное, поэтому он вчера пролежал в раздумьях до половины четвертого.

– Вот жесь!

Двое мужчин склонились над мертвым телом – рассмотреть поближе. В воде плоть побледнела, и раны зияли, словно странные двери, ведущие к давно улетевшей душе. Мертвый мужчина походил на персонажа с картины Иеронима Босха, предзнаменование из ада.

– Ты связался с Моникой Кирксов? – с улыбкой спросил Клаусен.

– Да, спасибо, она рассказала кое-что интересное о предполагаемом оружии убийства. Скарификатор. Ньюбо разбирается.

Йеппе сфотографировал на мобильный лицо и татуировки трупа и переслал по электронной почте Саре. *Новая жертва, убит так же. Проверь, можно ли установить личность.* Рабочее – по электронной почте, личное – в эсэмэсках. И в постели. Йеппе убрал телефон и огляделся.

За белыми навесами, которые ставили криминалисты, находилось здание больницы из красного кирпича, которое из-за прошедшего ночью дождя стало коричневым. Окна с де-

коративной раскладкой, синие деревянные двери и деревья – их коричневые листья старались уцепиться хотя бы ненадолго. Полная идиллия.

– Кто его нашел?

Клаусен показала на пожилого господина, сжавшегося на ступеньке, уронив голову на руки; на поводке он держал нетерпеливую таксу. Капюшон его темно-синего плаща прилип к макушке. Рядом на корточках сидел сотрудник полиции – успокаивал и мужчину, и собаку.

– Он выгуливал пса и решил срезать дорогу, пошел по территории больницы. Обычно он там не ходит, и телефона у него с собой не было, поэтому пришлось пойти в отделение скорой помощи и поднять тревогу. Он сильно перенервничал.

– Во сколько?

Йеппе нашел в кармане жвачку. От вкуса сигарет так просто не избавиться.

– Звонок поступил в 6:08. Ночью территорию больницы патрулирует частная охрана – охрана проходила мимо фонтана примерно в пять двадцать. Все было хорошо.

– Итак, труп снова могли бросить в фонтан в ограниченный период времен.

Йеппе стал оглядывать водостоки.

Клаусен проследил за его взглядом.

– Да, интересно, что нам даст видеонаблюдение.

– Я послал Фалька за видеозаписями – тут ведь должны

быть камеры. Вдруг будет что-то полезное.

В фонтан упала капля. Оба мужчины наблюдали, как по воде расходятся круги, задевая мертвое тело, и одновременно надели капюшоны – на ткань закапал дождь.

– Зачем он бросает тела в фонтаны?

Клаусен поколебался.

– Может, мысль дурацкая, но во многих религиях покойных обмывают, чтобы смыть их грехи перед путешествием в царство мертвых. Возможно, вода – это ритуал?..

– Ритуал. Или скрытый смысл.

Йеппе вынул изо рта жвачку и стал задумчиво мять ее большим и указательным пальцем.

– Вчера труп бросили в фонтан посреди Стрёгет. Почему сегодня он поехал в Биспебьерг?

– Может, испугался, что его увидят в городе, после того как пресса стала писать о преступнике на грузовом велосипеде? Рискованно ведь...

Из-за кустов неподалеку Клаусена позвал криминалист.

– Ну, Кернер, мне надо к криминалистам. Мы нашли отпечаток протектора велосипедной шины – попробуем сделать слепок, пока дождем не размыло.

Клаусен торопливо ушел размашистой походкой – маленькое тело в плаще напоминало подпрыгивающую палатку.

Йеппе стоял у чаши и смотрел на мертвого мужчину, смотрящего в небо пустым взглядом. У покойного был сек-

рет, которого живые никогда не узнают. Какая связь между Беттиной Хольте, пятидесятичетырехлетним соцработником из Хусума, и молодым человеком с проколотым языком?

Судмедэксперты установили палатку и помогли приступить к первичному осмотру жертвы – его проводят там, где обнаружено тело. Йеппе отошел на пару шагов, пропуская их. Когда профессор Ньюбо надел маску и склонился над трупом, у Йеппе зазвонил телефон.

Сара.

– Да?

– Привет. Кажется, я кое-что нашла об убитом. Загрузила фотографии его татуировок в новую американскую программу идентификации изображений, и она дала результат. Та красotka, которая у него на левой руке, совпала с одним профилем. Я нашла его в системе POLSAS.

– POLSAS? Он уже был судим?

– Нет. Видимо, заполнял форму, чтобы работать с детьми, и добавлял фотографию в систему, ну ты знаешь. Это было пару лет назад. Если это он – хотя сейчас у нас есть только татуировки, – то его зовут Никола Амброзио, родился в Италии, в Неаполе, в 1983 году. Живет по адресу Амагерброгаде, 42, шестой этаж, правая сторона.

– Никола?

Мужчине по имени Никола в Дании жить не очень-то весело¹⁰.

---

¹⁰ Согласно статистике, для Дании это редкое имя и среди его носителей боль-

– У тебя есть время съездить на Амагерброгаде и разузнать?

– Уже еду.

– Хорошо. Позвони, когда выяснишь.

Йеппе хотел кое-что ей сказать – всего одно слово, личное, что могло стать мостиком между сухими рабочими фразами, разделявшими их.

– Сара?..

Она не ответила. Прошла пара секунд, прежде чем он сообразил, что она положила трубку.

* * *

– И о чем вам говорит такая реакция?

Петер Демант смотрел первому на сегодня пациенту прямо в глаза именно тем взглядом, который, как ему известно, кажется людям пронзительным. Он тренировал его. Когда говоришь правду, сложно сосредоточиться, сказала сидевшая перед ним девушка. Не то чтобы с ней было интересно работать, скорее наоборот. Она начала ходить к нему на терапию три месяца назад, когда ее семья устала ждать помощи, которую готово оказать государство. Ей недавно исполнилось семнадцать, и у нее появились симптомы расстройства личности, но точный диагноз не поставили. Тяжело понять молодых людей, которые и так борются за место в жизни

ни и пытаются разобраться в себе. Какое поведение считается нормальным для подростка? Когда оно отходит от нормы?

У этой девушки прогрессировало обсессивно-компульсивное расстройство, из-за чего семья и забеспокоилась. Когда она стала мыть руки больше пятидесяти раз в день, мама связалась со школьным психологом. Прошло уже три года, и лучше ей за это время не стало.

Поначалу на сеансы терапии с ней приходила мама, что серьезно тормозило процесс. Теперь она приходила одна, и дела пошли лучше.

– Что я...

Юная девушка набрала полную грудь воздуха.

– Что я злюсь на свою мать.

Мать. В неустойчивости всегда виновата она. Иногда отсутствующий отец, но почти всегда – несовершенная мать.

Петер отпил воды из стакана, стоящего рядом на инкрустированном столике, и заметил, что у него дрожат пальцы. Сегодняшний день – очередная тройка, неудобства и тревоги. Его мучали мысли о смерти. Он рискует лишиться всего. Клиники, исследований, выгодных консультаций. Статуса ведущего врача психиатрического отделения – и в Глострупе, и в Биспебьерге. Престижа. Денег и уважения.

– Я виновата?

Девушка выжидательно на него смотрела.

– Извини, будь добра, повтори, что ты сказала. Я записать хотел.

Петер улыбнулся.

– Может, мне просто переехать? Говорят ведь, что перемены – лучшее лекарство, разве нет?

Она удрученно покачала головой.

– Лучшее лекарство – это лекарство.

Петер потянул руку за рецептурным бланком, но осекся. Нельзя, чтобы его тревога мешала профессиональной эмпатии, которая требуется пациентам. Надо взять себя в руки.

– Почему ты заговорила о переезде? Спроси себя: ты хочешь перемен и улучшений – или сбежать?

Она со всхлипом опустила голову.

– Ты так продвинулась – стала смотреть трудностям в глаза и нести ответственность за свою жизнь. Ты так упорно трудилась и столького достигла – тебе не от чего бежать.

Говорил он ласково.

– Спасибо. Вы правы.

Он обошел стол, сел на корточки и осторожно коснулся ее щеки.

– Все нормально?

Она кивнула и вытерла нос рукавом. Как милый щенок, невинный и хорошенький. Петеру захотелось взять ее на руки.

– На сегодня наше время истекло. Но мы увидимся через две недели, верно?

Он проводил ее мимо пустой стойки администратора, приобнимая за плечи.

– Луиза сегодня опаздывает, позвони завтра и запишись на прием. Береги себя. И спасибо, что пришла.

Он долго и ласково ее обнимал. Потом закрыл за ней дверь и постоял в приемной, почти не дыша. На мгновение доверчивость и теплота пациентов дарили покой, который теперь, казалось, вот-вот испарится со скоростью света. Петер заставил себя дышать глубоко, пока не почувствовал, как забурлила кровь и застучало сердце. Ни к чему терять самообладание.

Он осознал, что грызет ногти. Раздраженно сплюнул и ушел в туалет, побрызгал в лицо холодной водой и как следует вытер. Отражавшееся в зеркале лицо было круглым, как у ребенка, и таким же неуверенным. Порой он ненавидел это отражение. Он нащупал выключатель, не отводя взгляда от него, и порадовался, что можно потушить свет.

До следующего пациента еще полчаса, пока можно поработать над докладом. Он взял на мини-кухне стакан молока и вернулся в кабинет, открыл дверь и вошел.

В кабинете было темно – наверное, он задел выключатель, когда выходил. Из окна, открывающегося на площадь Святой Анны, лился тусклый дневной свет – пройдя над письменным столом, он оказывался на стене, где висели бабочки под стеклом. В сумерках казалось, что они живые, что могут взлететь и упорхнуть в любой момент. Электрические крылья голубой морфо, леопардовые пятна перламутровки и великолепная павлиноглазка атлас. И, конечно, маленькая,

незаметная стеклянная. Хрупкая и легкая, почти прозрачная. Но это только с виду. Гусеницы накапливают в себе яд от ночного жасмина, поэтому для врагов они смертельно опасны.

Опаснее всех та бабочка, что привлекает к себе меньше внимания.

* * *

Амагерброгаде шумела от плотного транспортного потока. У 42 дома Йеппе остановился и бросил взгляд на современное многоэтажное здание. Нижняя часть фасада выкрашена в горчично-желтый, а рядом с входной дверью расположился магазин украшений – из тех, что продают гремящие браслеты из девятикаратного золота. У него за спиной разозлившийся водитель фургона стал сигналить женщине с коляской – очевидно, та слишком медленно переходила дорогу, она же, не стесняясь ребенка, ответила целой россыпью бранных слов.

Малена Педерсен, девушка Николы Амброзио, показала Саре Сайдани фотографии, подтверждавшие, что в маленьком фонтане Гевьон нашли мертвым именно его. Не вдаваясь в подробности, Сара предупредила, что с ним, возможно, произошел несчастный случай, и обещала Йеппе остаться до его прихода, чтобы вместе сообщить известие и допросить.

– Кернер! Мы тут!

Голос Сары донесся с тротуара слева. За группой старичков, которые посреди дороги оживленно обсуждали футбол, показалась Сара, за ней шла высокая черноволосая женщина. На ней была яркая мятно-зеленая куртка, в зубах – сигарета, на поводке – совсем маленькая собачка.

– Собаку выгулять надо. Я думала, мы до тебя успеем.

Голос у Сары усталый – так бывает, когда у нее заканчивается терпение. В том, что ты умнее большинства людей, есть недостаток: приходится часто ждать окружающих. Эту не самую приятную черту такого разностороннего человека, как Сара, Йеппе особенно любил.

– Малена Педерсен, девушка Никола, и Йеппе Кернер, следователь Копенгагенской полиции.

Малена Педерсен протянула свободную руку для приветствия – левую, – и они поздоровались. Затем она бросила недокуренную сигарету на велослужбу и достала из глубоких карманов куртки ключи.

Она была красива, как соседская дочка, с искусственными длинными ресницами, а грудь, несмотря на силу земного притяжения, почти упиралась в подбородок. Украшения отчасти лишали ее природного обаяния, но, видимо, добавляли чего-то другого, чего Йеппе не понимал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.